

ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

ДМИТРИЙ ДАШКО

ПРОЩАЙ, ГВАРДИЯ!

Живи достойно, умри с честью

«КРЫЛОВ»

Дмитрий Дашко
Прощай, гвардия!
Серия «Гвардеец», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6599088
Прощай, гвардия!: Крылов; СПб.: 2013
ISBN 978-5-4226-0228-5

Аннотация

На дворе лето 1735 года. «Бироновщина» – страшное время для страны. Люди исчезают по ночам, дыба и раскаленные клещи палача в Тайной канцелярии не знают отдыха. Смутный период накануне русско-турецкой войны, когда ловкий и предприимчивый человек со шпагой и пистолетом может круто изменить свою судьбу – и судьбы страны.

Наш современник Игорь Гусаров оказывается в теле курляндского барона Дитриха фон Гофена, который решил попытать счастья в «варварской и дикой Московии». Игорь готов рискнуть головой и пройти любые испытания, чтобы предотвратить дворцовый переворот «дщери Петровой» – беспутной Елизаветы.

Здесь и сейчас, на топких берегах молодой имперской столицы, в свете чадающих светильников, в бальных залах дворцов и в душевных кабаках, куется новое будущее России, новое будущее всего мира.

Если ты настоящий гвардеец – возьми судьбу за горло и поверни маховик истории!

Содержание

Вместо пролога	4
Пролог	6
Глава 1	16
Глава 2	22
Глава 3	26
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Дашко

Прощай, гвардия!

Автор по-прежнему благодарен форуму «В вихре времен» <http://mahrov.4bb.ru> и «Военно-Историческому форуму» www.reenactor.ru, а также коллегам с <http://www.fantasts.ru>

И персонально Евгению Шалашову, Александру Владимирову (Смирнову), Алексею Харину.

Вместо пролога

Память – сволочная штука. Она не дает забыть то, что мы видим в страшных снах, и подводит в самый неподходящий момент. Однако без нее нельзя.

В летописи моей жизни не так уж и много страниц, которые я хотел бы вычеркнуть, однако они есть. Я не ангел и потому совершал поступки, которыми никогда не смогу гордиться. Но все, что было мной сделано плохого, я же и искупил – потом и кровью, своей и врагов.

Порой меня тянет на философию. Сейчас я могу себе это позволить.

Оглядываясь на дорогих моему сердцу людей – отца, мать, дедушек и бабушек, – я невольно прихожу к выводу, что мое поколение – всего-навсего бледное подобие тех, кто победил в страшной войне, сломал хребет фашистской гадине, поднял страну из разрухи, построил могущественную державу, которую и боялись, и любили.

Да, не все у них было гладко и просто, им многое пришлось пережить, но это был народ-победитель, народ-строитель.

А что сделали мы? Кого победили, что сумели построить?

Ответ – перед глазами. Глаза можно закрыть, можно притвориться, что ничего не видишь. Но реальность кусается, и кусается больно. Ее не проведешь.

Мы – лузеры, соорудившие из обломков великого государства страну-мутанта. Прожигатели добра, накопленного до нас. Беспутные наследники. Те, у кого не осталось ничего святого.

Мы делаем вид, что все идет по плану, что все так и должно быть; почиваем на лаврах, не забывая пинать поверженного льва.

Наша история извращена, в ней роется носами продажная сволочь, отрабатывающая заграничное содержание. Иногда, важно похрюкивая, она извергает из себя переваренные помои. Предполагается, что это – истина в последней инстанции. Мы утираемся и терпим.

Терпим!

Нам врут с экранов телевизоров, с газетных и журнальных страниц. Обещают одно, делают другое. Главные коррупционеры борются со взятками; развалившие энергетику устраивают нанопорывы, «осваивая» миллиарды государственных средств. И никто им не указ, даже прокурор. Высочайше велено: «Не трогать». Дербань – не хочу.

Терпим!

Горят леса, потому что нет лесников. Последних профессионалов пинками выгнали из леса, сократили. Кто теперь будет следить за лесными богатствами? Есть ли смысл колотить в рынду, если ближайшая пожарная машина одна на десять деревень, да и той по штату положен один преклонного возраста «огнеборец»?

Терпим!

Самой народной эмблемой сочинской олимпиады становится пила: на лыжах, коньках, с клюшкой. Кому не ясно, что она пилит?

Народ молчит, народ-терпила безмолвствует.

Мы меняем наши богатства на разноцветные фантики. На эти фантики олигархи, чиновники и генералы катаются на лыжах в Куршевеле, возя с собой табуны дорогих шлюх.

Ах да, Куршевель нынче не вполне комильфо. Так, чай, не единственный из пафосных курортов.

Нам нечем гордиться, нас не за что уважать.

Кто стал нашим ориентиром, на кого мы хотим походить, кем собираемся стать?

Космонавтами, врачами, военными, учеными, геологами, инженерами?

Нет, эти профессии давно потеряли престиж. Произошло страшное: умами завладели ловкие дельцы-бизнесмены, спекулянты, ворюги-чиновники и прочая беспринципная мразь.

Они сделали нас нищими, моральными уродами, уселись на наших плечах, присосались к нашим артериям и пьют нашу кровь. И будут пить, пока мы это не изменим.

Или не изменю я, парень из двадцать первого века, которого странные игры неведомой цивилизации забросили в далекое осьмнадцатое столетие.

Только, надеясь на меня, сами не оплошайте.

Пролог

«Шведского майора Синклера, укрывающегося под именем Гагберх, разыскать; имеющуюся при нем тайную переписку королевского двора Швеции с турецким султаном изъять и доставить в Петербург; самого майора умертвить так, чтобы даже духу его не осталось. Лучше всего утопить, как кутенка...»¹

Поручик драгунского полка Левицкий вызубрил инструкцию фельдмаршала Миниха лучше «Отче наш». Знал, но никогда не произносил заученные строки вслух. Есть вещи, не предназначенные для людских ушей.

Была и вторая инструкция, не менее важная и секретная. Ее Левицкий получил от другого человека, которого уважал и... страшно боялся. Она тяготила офицера куда сильнее, чем убийство какого-то шведа, по сути шпиона вражеской державы.

Из-за нее драгун не мог спокойно спать, прикладывался к бутылке чаще обычного, чего товарищи его – капитан фон Кутлер и поручик Веселовский – не одобряли. Однако вынуждены были терпеть, ибо драгунский офицер, несмотря на малый чин, считался среди них старшим.

Внутренний карман походного камзола оттягивал портрет-медальон с изображением шведского майора, которому доверили перевозить секретную переписку между Блистательной Портой и Стокгольмом. Вешать картину на грудь, рядом с нателным крестиком, Левицкий постеснялся. И без того грехов на душе накопилось – вовек не отмоешься.

Работы сия парсуна была искусной. Глядя на нее, Левицкий все крепче убеждался, что не иначе как продал свою душу художник нечистому, ибо рисовать с такой особенной тщательностью простому смертному не дано. И холст был непростой. На удивление гладкий, приятный на ощупь.

Миниатюру эту Левицкому вручил тот страшный человек, который дал ему и вторую инструкцию. Если бы не медальон, искать шведа в огромной Польше было все равно что иголку в стоге сена. Кроме паспорта на выдуманную фамилию Гагберх, у майора наверняка имелись и другие документы.

Проклятуший Синклер метался из одного конца в другой, трое русских офицеров, как ищейки, пытались встать на его след. Иной раз казалось: вот-вот они настигнут злополучного шведа, а не тут-то было. Синклер исчезал, будто снег весной, просачивался ручейком сквозь кордоны. Манил близким присутствием и пропадал. Был, да весь вышел; растаял, как привидение на рассвете.

Левицкий отчаянно ругался, искал рукой походную фляжку с хлебным вином и, обнаружив ее пустой, ярился пуще прежнего.

Однажды им повезло. Место безлюдное, одинокая карета, нет свидетелей, вообще никого, кроме лже-Гагберха, его слуг да случайного попутчика. Ни о чем не подозревавший Синклер сопротивления не оказал, разве что фон Кутлеру понадобилось разок приложить его рукояткой шпаги, чтобы швед перестал кочевряжиться и показал тайник.

Левицкий, убедившись, что их не надули и бумаги те самые, за которыми пришлось гоняться уйму времени, рубанул палашом, отделяя голову незадачливого курьера от туловища. Брезгливо вытер лезвие и вложил оружие в ножны. Конфиденты тем временем добиwali слуг, невзирая на их мольбы о пощаде. Свидетелей быть не должно. Пострадал и попутчик – французишка, купец Кутурье. Его оставлять в живых было всего опасней.

¹ Что греха таить... Было убийство майора Синклера в реальной истории, и от этого никуда не деться. С другой стороны, после проведения этой акции русское правительство получило жизненно важную информацию о планах неприятеля. Спасибо фельдмаршалу Миниху, для которого интересы России оказались важнее моральных принципов.

– Убить, – велел Левицкий.

Скоро с кучкой шведов и французом было покончено.

Жаль, ни реки, ни озера, а то бы веревку с камнем на шею – и бултых на дно вместе с уликами. Не найдет никто, не разыщет.

Трупы спрятали в густых кустах, от чужих глаз подальше. Если и наткнется кто по случаю, спишет на разбойников, благо тех на дорогах разоренной войной и вспышкой чумы Речи Посполитой всегда вдосталь.

– Теперь можно и в Петербург, за наградой, – довольно улыбаясь в усы, произнес фон Кутлер.

Он уже видел себя майором, а то и полковником. Миних обещал наградить по-царски, слово фельдмаршал всегда держал.

Поручик Веселовский тоже мечтал о повышении, но по-своему. Его манила блестящая служба в гвардии; в канцелярии давно лежало письмо с просьбой о переводе в Семеновский полк на любую подходящую ваканцию. Ходу прошению пока не давали, однако после выполнения столь щекотливого поручения все должно было перемениться исключительно в лучшую сторону.

Левицкий бережно опустил секретные бумаги в кожаную сумку. Первая инструкция выполнена... почти. Но ведь есть и вторая. Самая противная и тяжелая. Сколько из-за нее было водки выпито, не счесть.

Господи, что же я творю?!

Откуда ни возьмись, в руках драгуна появились заряженные пистолеты, припасенные как раз для этого случая. Стрелком он был метким, впустую тратить пули не стал. Два выстрела, два бездыханных тела недавних конфиденентов.

Упокой их души, Боженька!

Простите меня...

Он похоронил бывших товарищей неподалеку от шведов. Даже постоял минутку в скорбном молчании, держа под мышкой запыленную треуголку. Развевался плащ на ветру, дымились пистолеты. Запах пороха щекотал ноздри.

Левицкий взгромоздился на сытого коня, приготовился дать ему шпоры и тут вспомнил.

Медальон. Был четкий приказ его уничтожить.

Жаль красивую вещицу.

Исполнительный Левицкий положил парсуну на камень и раскрошил каблуком. Порядок.

А теперь пришло время тайное сделать явным. Европа должна узнать о коварном злодеянии русских. Пусть об этом напишут все газеты.

Ему было противно от содеянного, но иногда ради благой цели приходится вершить черные дела.

Женщина, которую он боготворил, должна взойти на престол. Став императрицей, она никогда не забудет того, кто ей в этом помог.

Храни ее Бог!

Страшный дом на окраине Питера, холодный, нетопленный. Здание не первый год заброшено, как и несколько соседних. Смотрит на мир черными провалами окон без рам, поскрипывает гнилыми досками. Ветер гуляет по пустым комнатам, по-хозяйски распоряжается дверьми: открывает и закрывает, когда захочет и перед кем захочет. И никого над ним нет, никакой другой силы.

Владельцы давно уже забыли о доме, перестали горевать о выброшенных на ветер деньгах. Строиться в столице – занятие не из дешевых, не всякий потянет. Да и что в ней

хорошего, в этой Северной Пальмире? Не парадиз, точно. Вот уж учудил Петр Ляксеич, царствие ему небесное. Сыскал место!

Кругом болота, беспокойная Нева норовит выплеснуться из берегов, сыро, промозгло. Что ни день, то дождь. А не дождь, так снег.

Мороз, и тот неправильный. В иных краях на такой рукой махнешь да спокойно делами займешься. Зато в Петербурге чуть ударит, всего ничего затрещит, и вот уже нет спасения душе христианской. Только и радости, что у костра, гвардейцами на улице разведенного, отогреться. И – дворами-дворами, избегая открытых, холодящих до костей проспектов.

Сытая, не в пример спокойная Москва тиха и благообразна. Сияет маковками церквей, зовет малиновым звоном колоколов. И народ в белокаменной живет чинно, по старинке, как дедами да прадедами завещано. Но не там нонче бьется сердце России.

Из Петербурга бежит свежая кровь дорогами-артериями к другим городам да весям. Скачут эстафетой курьеры, везя царские указы; с барабанным боем выходят на площадь глашатаи. Слушай честной народ, рты открывай, удивляйся.

Из северной столицы приходит все новое, а раз новое – то страшное и непонятное.

Скрипя полозьями по нерасчищенным сугробам, возок остановился у дома. Вскрапнули лошади, стали ушами прядать. Почуяли кого-то. И верно: мимо прокатили санки с краснощеками пьяненькими солдатами, горланившими свое. Этим все нипочем. Гуляют по случаю турецкой виктории да возвращения из крымских степей. Надрывают луженые глотки.

Мундиры на солдатах новехонькие: зимние шапки-треухи, долгополые зеленые шинели. В столице все это примелькалось, а вот народ приезжий смотрит с удивлением. Непривычно оно как-то.

Из возка выбрались двое в лисьих шубах, меховые шапки надвинуты глубоко, только и видно, что глаза. У одного, ростом и видом неприметного, злые и напряженные, у второго – скорее растерянные.

– Зачем вы привезли меня в эту глухомань? – спрашивает второй.

Каркают с деревьев вороны, самые непугливые слетают с веток, начинают бродить неподалеку. Прыгают бесстыжие воробьи, ищут теплые лошадиные «яблоки».

– Скоро увидите, Семен Андреевич, – многообещающе отвечает невидный собой мужчина.

Внутри дома едва ли теплее, чем снаружи, потому никто и не думает заходить.

Семен Андреевич зябко ежится. Шуба не спасает, мерзнут руки в соболиной муфте.

– У меня мало времени, – говорит он, озираясь.

– Напрасно вы его не потратите, – уверяет неприметный.

К возку подкатил еще один, точь-в-точь такой же. Встал напротив. Рванул дверцу, напуская холода в теплое нутро, неприметный. Открыл и встал сбоку.

Женщина – высокая, смуглая, – не дожидаясь, когда подадут руку, попыталась выбраться наружу, но неприметный ожег ее таким взглядом, что смуглянка тут же плюхнулась обратно.

– Взгляните.

– Зачем? Вы везли меня через весь город ради этого? Конспиратор... Это даже не смешно! – замерзший Семен Андреевич не на шутку обозлился.

– Я вас прошу: взгляните, – настойчиво повторил неприметный.

– Хорошо! Как же мне надоели ваши выкрутасы, любезнейший!

Семен Андреевич без интереса уставился на женское личико. Определенно, красавицей сия Венера не была, но вид имела чрезвычайно знакомый.

Где-то ему уже приходилось ее видеть... Вспомнить бы еще, где именно.

– Неужто?! – вдруг ахнул он и испуганно закрыл рукой рот, чтобы случайное слово не вырвалось, не пошло гулять по улице.

– Трогай, – приказал неприметный кучеру.

Возок с женщиной умчался прочь, будто его ветром сдуло. Только колючий снег по сторонам.

– Это действительно та, о ком я думаю? Во всяком случае, очень похожа, – уже спокойным тоном спросил Семен Андреевич и удостоился кивка. – Но зачем вам... она?

– Фильм «Человек в железной маске» смотрели? Не тот, в котором играл этот болван Ленька Смирнов, простите, Леонардо ди Каприо², а другой, совместный англо-французский. Он еще в советском прокате шел во времена моей молодости.

Семен Андреевич кивнул. По долгу службы ему приходилось смотреть многое, в том числе и старое (как это ни странно звучит применительно к нынешним обстоятельствам) кино.

Неприметный удовлетворенно продолжил:

– Вот я и подумал, почему бы и мне не разыграть эту историю, только на новый лад.

– Простите, а как же наши планы, договоренности? – расстроено забормотал собеседник.

– Появление этого фон Гофена смешало все наши карты, уважаемый. Вариант с карманным переворотом, устроенным дражайшей Лисавет Петровной, уже не прокатит. Теперь будет недостаточно роты пьяных гренадер. Нужно действовать решительней и тоньше.

– Тоньше?! – почти вскричал Семен Андреевич. – После того, что вы на днях устроили, о какой тонкости может идти речь? Вы, можно сказать, весь Петербург на уши поставили. Да что там Петербург?! Европа бурлит как котел.

Собеседник довольно ухмыльнулся:

– Этого я и добивался. Иногда, чтобы провернуть задуманное, приходится хорошенько взбалмутить стоячее болото.

Семен Андреевич покачал головой:

– Я не в восторге от вашей инициативы и доложу обо всем, как только вернусь. Уверен, ТАМ, – многозначительно подчеркнул говоривший, – меня поддержат. Мы не договаривались, что вы будете устраивать всякие фокусы и закидоны.

Оппонента это ни капельки не смутило. Он лишь невозмутимо пожал плечами:

– Поступайте, как вам угодно. Я лишь пытаюсь исправить ситуацию.

– Скажите спасибо фон Гофену. Это из-за него нам приходится кардинально менять планы. И, кстати, – глаза говорившего превратились в щелочки, – не бойтесь, что он тоже вычислит вас, как вы вычислили его?

– Фон Гофен залечивает раны в сотнях верст отсюда. Жаль, не получилось убить его во время той заварушки с татарами. Война бы все списала, и эта проблема решилась бы навсегда.

Семен Андреевич отчего-то улынулся. Ему вдруг с жуткой силой захотелось натянуть нос чванливому собеседнику, сбить с него самодовольство.

– К сожалению, ваши сведения устарели. Фон Гофен поправился и держит путь сюда. Скоро он прибудет в Петербург.

Неприметный сжал пальцы в кулак до хруста, налил глаза кровью, стал страшен. И сказал с железной прямоотой и уверенностью:

– Пусть приезжает. Я до него везде доберусь.

Из огромных окон виднелись костры, возле которых грелись гвардейцы-семеновцы, заступившие на охрану подступов ко дворцу. Неподалеку со свистом гарцевала казачья

² Как известно, Голливуд создавался выходцами из России. Нет ничего удивительного в том, что многие нынешние звезды имеют российские корни.

полусотня императорского эскорта. Всадники мерзли, но упрямо продолжали отрабатывать экзерциции.

В богато убранной гостиной, залитой светом и жарко натопленной, собрались самые главные лица государства Российского. Не было разве что вице-канцлера Остермана, по обычаю своему сказавшегося больным, хотя никто из присутствовавших не сомневался: все, что будет произнесено под сводами дворца, обязательно дойдет до ушей влиятельного вельможи.

Анна Иоанновна, откинувшись на спинку стула с изогнутыми резными ножками и мягким сиденьем из голубого бархата, грозно спросила:

– Ужель это и есть твое окончательное решение?

Позади императрицы стоял в напудренном парике и роскошном камзоле фаворит Бирон. Его красивое, чуть тронутое оспой лицо было бесстрастным, как у хорошего дипломата. Правую руку с перстнем, украшенным бриллиантом, он положил на плечо российской царицы, не то успокаивая, не то чтобы подать тайный знак в нужный момент. К слову фаворита самодержица российская всегда прислушивалась, однако поступала по своему разумению.

– Да, ваше величество, – спокойно ответил виновник сего собрания.

«Маленький» принц Антон Ульрих Брауншвейгский вернулся из похода возмужавшим. Его было не узнать. Куда делись робость движений, опущенный взгляд, еле слышный голос? Исчезло даже легкое заикание, служившее раньше предметом всеобщих насмешек.

Перед собравшимися стоял боевой офицер в парадном кирасирском мундире. Рука его покоилась на позолоченном эфесе палаша. Подбородок горделиво приподнят. Это была не бестактность не знающего правил и приличий хама, а уверенность человека, который привык находиться среди сильных мира сего, и более того – сам принадлежал к этому узкому кругу.

Чуть удлиненное благородное лицо, погрубевшая от порохового дыма и походов кожа, коротко стриженные светлые волосы, безупречная выправка, идеально прямая спина, широкие плечи, сверкающая кираса. Он был прекрасен в этот момент, настоящий рыцарь без страха и упрека.

Молод, великолепно сложен, полон решимости и мужества.

Собравшиеся сознавали это, а более всех – цесаревна Анна Леопольдовна. Она покусывала нежные тонкие губы, ловя себя на мысли, что куда-то исчезает прежняя неприязнь и вместо нее появляется другое чувство. Красавчик граф Линар³, который покориł ее сердце и был за то спроважен из России, вдруг потерял былую привлекательность, отступив на второй план. Как далеко было тому распудренному светскому хлыщу до блестящего офицера, по праву носившего регалии и ордена.

– Вы действительно решили оставить службу в российской армии и вернуться в Брауншвейг? – нахмурившись, спросила императрица.

– Ваше величество, я вынужден просить абшида. Когда меня пригласили в Россию, я и помыслить не мог, что являюсь частью матримониального плана российского и венского дворов. Мне думалось, что я вызван, дабы верой и правдой служить вашему величеству на воинском поприще. Теперь, когда мне стали известны истинные причины, боюсь, что я недостойн сей высочайшей чести. И тем паче, как истинный мужчина и кавалер, я не хочу приносить муки той, что не испытывает ко мне настоящего чувства. Прикажите мне умереть на поле битвы, ваше величество, и я с радостью умру с вашим именем на устах. Но стать

³ Любовная связь между юной принцессой и саксонским посланцем Линаром была притчей во языцех. Анна Иоанновна быстро выпроводила этого ловеласа за пределы страны. Однако старая привязанность оказалась сильной. Анна Леопольдовна, встав у государственного штурвала, сразу вызвала Линара в Россию.

ненавистным существом в глазах вашей несравненной племянницы выше моих сил. Покорнейше прошу простить меня и разрешить отставку.

Принц встал на одно колено и коснулся губами платья императрицы.

– Дурак, – тихо, но так, чтобы это слышали все, сказала Анна Иоанновна.

Она поднялась и быстрой походкой направилась к выходу. Внезапно императрица покачнулась, стала оседать, и если бы не ловкость караульного солдата, быть беде. Тут же подскочил Бирон, подхватил обессиленное тело императрицы и на всю залу закричал:

– Лекаря государыне! Скорее!

С другого конца дворцовых покоев уже бежал встревоженный придворный врач Бидлоо.⁴

Приступы у императрицы повторялись все чаще. Лекарь прекрасно понимал, что это значит. Жить императрице оставалось совсем немного. Его врачебное искусство лишь оттягивало неизбежное.

Анну Иоанновну уложили на кровать. Бидлоо выгнал посторонних. При императрице остались лишь он, его помощник и фаворит. Остальные придворные топтались возле закрытых дверей опочивальни.

Внизу уже гремел шпорами стремительный Миних, примчавшийся в ту же секунду, как узнал о случившемся. Дурные вести разносятся быстро.

Бледная Анна Леопольдовна оказалась возле принца. Он дружески взял ее под локоть.

– Ах, оставьте! – обиженно произнесла она. – Вы ведь отказались от меня. К чему теперь все ваши галантности?

– Разве не этого вы хотели? – удивился принц. – Разве не жаждали всей душой избавиться от меня – постылого, ненавистного, навязанного вам жениха?

Анна Леопольдовна отвернулась, не зная, что сказать. Принц был прав, но лишь отчасти. Еще час назад она так и думала, а сейчас... Все поменялось. Это не было любовью с первого взгляда, ибо знали они друг друга уже несколько лет. Но таким принца она еще не видела. Дифирамбы, которые Антону Ульриху пели газеты, раньше казались ей обычной лестью. Рассказы тех, кто воевал вместе с кирасирским полковником на турецкой войне, лишь немного пошатнули прежнее мнение.

Теперь же она понимала, что все написанное и услышанное было правдой. Мальчик стал мужем, мужчиной.

Болезненный приступ с тетушкой лишь обострил чувства Анны Леопольдовны. Она вдруг ощутила себя слабой. Прежний уютный мирок трещал по швам. В такое мгновение любая женщина мечтает о твердой и сильной руке.

– Вы, – цесаревна запнулась, – стали другим. Я не узнаю вас. Моя лучшая подруга Юлиана... Вы разбили ей сердце. Она забыла нашу дружбу, бредит только вами. Мы уже несколько дней в ссоре. Я велела ей не показываться у меня, пока ее страсть не утихнет.

– Можете поверить моему слову – я не прикладывал к этому усилий и, уж тем более, не хотел, чтобы вы лишились лучшей подруги. Никаких поводов я не подавал. Вашей фрейлине стоит обратить внимание на другую креатуру. В России много красивых, образованных и богатых молодых людей. Они составят госпоже фон Трейден подходящую партию.

– А мне? Что вы посоветуете мне? – грустно спросила цесаревна.

Без тетушки-императрицы и единственной подруги она чувствовала себя уязвимой.

Антон Ульрих пожал плечами:

– Я не вправе советовать вам, ваше высочество. Надеюсь, императрица подпишет мое прошение об абшиде.

Анна Леопольдовна притихла, набираясь духу, и наконец произнесла:

⁴ Лейб-медик императрицы.

– А если я попрошу вас изменить решение, прислушаетесь ли вы к моей просьбе?
Принц деликатно улыбнулся.

Все же этот фон Гофен оказался прав. Если изменить себя, изменится и остальное. Жаль, их встреча случилась поздно. Иметь такого советчика – настоящее благо.

– Только при одном условии, принцесса. Если вы выйдете за меня замуж по любви, – уверенно сказал Антон Ульрих.

Король Швеции Фредрик I был не в духе. Его любовница Хедвига Таубе во всеуслышание объявила, что не пустит короля в свою постель, пока тот не перестанет быть презренным «ночным колпаком»⁵ и не отомстит москвитам за коварное убийство майора Синклера.

Фредрик мог бы найти себе утешение в объятиях других женщин, но, проклятье, все достойные королевского внимания придворные дамы, как одна, оказались приверженцами партии «шляп», а опуститься до связи с простолюдинками король не мог, опасаясь народных волнений. И без того чернь негодует и отпускает острые шуточки в адрес короля, который так и не сподобился выучить язык своих подданных.

Оставались еще два любимых развлечений: охота и попойка, но заявившийся с утра пораньше бывший президент Канцелярии барон Арвид Горн околачивался в приемной, настаивая на скорой встрече.

Пришлось принять.

Пусть министр находился в отставке, однако влияние его в риксроде⁶, а значит, и в политике осталось. С таким человеком приходилось считаться даже королю, тем более шведскому, который, по примеру британских монархов, лишь царствовал, но не правил.

Выглядел опальный вельможа не лучшим образом. Привыкшему к бурлящим политическим страстям, Горну было тяжело оказаться вдали от рулевого весла королевства и окупаться в тихий патриархальный мирок поместья, где важнейшими проблемами были рождение очередного теленка у пестрой коровы Магды да починка прохудившейся крыши сарая.

Барон похудел, осунулся. Его длинный нос выглядел столь уныло, что король едва не расхохотался.

– Только не говори, что соскучился по мне, старина Арвид! – с большим трудом подавляя усмешку, поприветствовал король.

– Прошу прощения, ваше величество, но я хотел бы сразу перейти к делу, – с нажимом проговорил Горн.

– Тебя беспокоит возможная война с москвитами? – догадался Фредрик.

– Да, ваше величество, – кивнул барон. – Боюсь, если она начнется, мы проиграем, потеряв если не все, то многое.

– Чего ты хочешь от меня? – удивился король. – Все решения принимает риксрод.

– В риксроде засели «шляпы», опьяненные ненавистью к России. Они жаждут мести за поражение в прошлой войне. Мечтают вернуть утерянные территории. Убийство Синклера только плеснуло масла в огонь. Эти безумцы не понимают, как опасно трогать русского медведя, когда тот спит. Тем более, что у нас уже были разговоры с вице-канцлером российского двора Остерманом. Москвиты готовы пойти на уступки и вернуть часть захваченных земель. Они не горят желанием воевать с нами и хотят мира.

– Мое влияние на риксрод незначительно. Тебе ли этого не знать, барон? – усмехнулся король.

Барон чуть приподнял выщипанные брови:

⁵ В принципе, кто такие «ночные колпаки» и «шляпы», мои читатели должны были узнать в школе на уроках истории. Не вдаваясь в глубину вопроса, скажу лишь, что так называемые «колпаки» были партией мира, не желавшей воевать с Россией, зато «шляпы» отчаянно грезил реваншем за поражение в Северной войне.

⁶ Шведский парламент.

– Но они могут послушать вас, ваше величество, если вы приведете веские доводы. Вы – последний шанс на спасение королевства от неминуемой беды. Доклад, učinенный генерал-поручиком Будденброком по поводу нашей готовности к войне, ложен.⁷

– С чего ты это решил? Будденброк знает свое ремесло. Он уверяет, что войско можно собрать без затруднения; амуниции, пороха и съестных припасов у нас в достаточном количестве. К тому же армия московитов вконец расстроена войной с турками, все полки состоят из новонабранных рекрутов. Как говорит наш бравый генерал Левенгаупт: «На одного шведа надобно десять русских. Нашей армии, чтобы победить, надо только показаться».⁸

– Будденброк ярый сторонник «шляп» и преследует собственные интересы, а Левенгаупт желает реванша. Он хорошо помнит унижение от проигранных московитам баталий. Доклад Будденброка – ложь от начала до конца. Мы не готовы к войне. А Россия уже не та, что была при императоре Петре. Теперь это могущественная держава, с которой приходится считаться даже Версалью.

– Версаль, – задумчиво протянул Фредрик. – Версаль на нашей стороне, любезный барон. Король Людовик не поскупился на деньги и обещания. Он готов наполнить шведскую казну полновесным золотом, если мы укажем русским их место и проучим, ткнув носом в собственные испражнения, как поступают с глупым щенком, чтобы отучить его пакостить там, где нельзя. К тому же сами московиты будут нам помогать. Из Петербурга до меня доходят вести, что императрица слаба здоровьем. Ей пора задуматься о преемнике. Мы выступим на стороне принцессы Елизаветы. Те, кто хочет, чтобы дочь императора Петра заняла престол, станут действовать с нами заодно. Наш посол в России фон Нолькен уже ведет с Елизаветой переговоры. Думаю, она примет наши условия и наши деньги.

– Остановите это, мой король! Умоляю! – Горн упал на колени.

В этот момент в дверях показался запыхавшийся королевский адъютант. Его лицо было красным и зловещим.

– Ваше величество, простите за вторжение. У меня страшные новости из Петербурга.

– Тебя прислало к нам провидение! – воскликнул король. – Говори же скорей, не испытывай моего терпения.

– Ваше величество, наш посол в Московии убит. Проклятые русские застрелили фон Нолькена в его собственном доме.

– Вот видишь, – торжествующе сказал Фредрик, обращаясь к Горну, – даже если бы я выполнил твою просьбу, ничего бы не вышло. Самому Господу угодно, чтобы Швеция наказала вероломную Россию. Да будет так! Да начнется война! Только, – он приложил палец к губам, – никто не узнает, что мы собираемся воевать, пока нога нашего солдата не ступит на земли московитов. Все приготовления будут осуществляться в строжайшем секрете. Чтобы никто не пронюхал об этом, я отправляю тебя, старина Арвид, под домашний арест. Надеюсь, другие «колпаки» окажутся рассудительными и не станут извещать русских.

– Мне очень жаль, ваше величество, – склонил голову Горн.

– Чего тебе жаль, барон? – удивился король.

– Швецию, ваше величество. Только ее и ничего больше.

Раздобревшая на малороссийских борщах да пампушках цесаревна Елисавет Петровна проснулась рано. Что-то разбудило ее, а что именно, она так и не поняла. Валяться в постели расхотелось. И без того все бока отлежала.

⁷ И это еще мягко сказано. Генерал-поручик Будденброк самолично вырыл себе, любимому, и своей родине такую яму, что смертная казнь была самым гуманным способом наказания.

⁸ Довольное популярное в ту пору у «шляп» высказывание.

Вялый после ночных усад, чернявый Алешка Розум, зевая, посматривал, как «принцесса» сама надевает длинный ночной халат, натягивает на полноватые ножки тонкие шелковые чулки последней парижской моды, ищет на холодном полу тапочки.

– Ах, мыши проклятушие!

Розум приподнялся на подушке, спросил недоуменно:

– Что случилось, Лизанька?

– Да твари окающие гляди, что натворили! – Цесаревна сунула под нос любовнику изгрызенный тапок. – Не съели, так поднадкусали. А ведь любимые были. По ноге сношенные. – Елизавета пустила слезу, до того ей стало жалко съеденные мышами тапки, а еще больше себя, бабу беспутную.

– Не кручинься, Лизанька. Станешь царицей, купишь себе мильон таких. Тыщу платьев выпишешь себе из самого Парижу. Заживем!.. – Розум мечтательно закатил красивые глаза.

– Царицей?! – Елизавета насмешливо повела бровью. – Кто ж меня царицей-то сделает при живой тетеньке да сеструхе Анке, чтоб ей пусто было, дурище! Прости мя, Господи! – испуганно перекрестилась она на образа.

– Я тебя царицей сделаю, Лизавета Петровна. – В комнату без стука впорхнул лейб-медик цесаревны, вертлявый низкий Лесток. Он стоял за дверями и слышал разговор. – Не сумлевайся.

Лейб-медик цесаревны не испытывал ни малейшего стеснения и в сторону «гражданского супруга» великой княжны даже не смотрел.

– Ах, Жано! Ты опять подслушивал! – капризно повела маленьким вздернутым носиком цесаревна.

– Все тайны умрут со мной, – стукнул себя по груди маленький лекарь. – Ты же меня знаешь. Дозволь ручку твою поцелую белоснежную аки мрамор.

– Целуй.

Встав на одно колено, Лесток прикоснулся влажными губами к руке Елизаветы, смачно чмокнул и с восторгом произнес:

– Какая теплая она, ваше высочество, будто молоко парное! Сладкая, аки мед. И пахнет вкусно.

– На чужой каравай... – заговорил недовольный любовник, но цесаревна знаком оборвала его.

– Как же ты из меня царицу делать будешь, Жано, миленький?

Поскучевший Алешка отвернулся к стене. Государственных дел и опасных разговоров он старательно избегал.

– Ваше высочество, да нешто не ясно вам как? – засуетился ловкий лейб-медик. – Тетушка ваша со дня на день отбудет в чертоги небесные, а ежели задержится, так ненадолго. А после этого корона сама в ваши руки упадет. Нешто народ немке ее отдаст, сестричке вашей ненаглядной? Токмо лишь подождать чуточек придется.

– Не могу я ждать, – загрустила цесаревна. – Остерман, подлюка, опять планы свои вынашивает. Хочет меня замуж спихнуть, чтобы с глаз долой. Жениха подыскал – брата принца Брауншвейгского. Тетушка дюже довольна такому марьяжу. Две племянницы мои, молвит, еще сильнее породнятся. Как только свадьбу Анкину сыграют, так и моей быть. Увезут в глухомань немецкую, и прости-прощай Россия.

– Не кручинься, Лизаветушка. Не ты ли дочь Петрова?

– Я, – кивнула цесаревна. – Токмо батюшка не позаботился, чтобы за мной престол русский оставался. И матушка тоже не догадалась о перспективах моих призаботиться.

– Не успели они, ваше высочество. Ну, так мы это поправим, – заулыбался Лесток. – Ждем вестей хороших. Скоро swei в поход на нас пойдут, мне это доподлинно из самой

Стекольны известно. Хотят они тебя на троне императорском видеть. И деньги обещают. Я с них да с версальцев пятнадцать тыщ червонцев, окромя помочи воинской, еще запросил.

– Деньги и впрямь не лишними будут. А вот война... Нешто штыками свейскими хочешь меня императрицей сделать? – испугалась Елизавета.

– Что ты, матушка, – как мельница, замахал руками лейб-медик. – Упаси Господь обо мне такие думы думать. Просто война зачнется, и тетушка твоя полки гвардейские на нее двинет. Новая гвардия – она ко всему привычна, а старая, что семеновские молодцы, что преображенские, думается мне, роптать начнет. Устали они после похода турецкого, а кто не устал... ну, так людишки мои верные о тех позаботятся. Знаешь, сколько их у меня?! Ужась как много.

– А тетушка? – опасливо спросила Елизавета.

– А что она? Императрица наша совсем здоровьем слаба стала, за всем доглядеть не сможет. За тобой, ваше высочество, такие фигуры встанут! У! – Лесток широко развел руки, став похожим на рыбака, показывающего: «Вот такую поймал». – Один только фельдцейх-мейстер принц Людовик Гессен-Гомбургский чего стоит!

– Но он же дурак! – удивилась цесаревна.

– Э, дурак не дурак, а пушки наши будут, матушка.

– Пушки, – хмыкнула Елизавета. – К пушкам люди надобны храбрые, а принц ентот всю храбрость в Персии растерял. Токмо и может, что с Минихом да Лассием лаяться.

– Недолго ему лаяться осталось. Миних да Лассий скоро из Петербургу на войну отправятся, а принца в столице оставляют. Военную коллегия ему отдают. Весь гарнизон столичный под его рукой окажется. Да и не на одного его расчет. Такие силы почтут за честь тебе послужить, Лизавета Петровна, ажно страшно становится. От них мне еще и советы пришли умные. Мы все так обстряпаем, что никто ничего не поймет. Любой, окромя нас, запутается.

И лейб-медик расплылся в довольной улыбке. Полученные советы действительно оказались дельными. Вот только человек, давший их, пугал его до глубины души, хотя никто и никогда не мог бы назвать Иоганна Германа Лестока трусом.

А цесаревне вдруг вспомнился высокий статный офицер, с которым она танцевала на балу в императорском дворце. Его звали фон Гофеном, и был он откуда-то из Курляндии. Гвардеец ужасно смущался, наступал ей на ноги, однако Елизавета по чисто женскому наитию поняла: если бы этот офицер стал ее конфидендом, он бы точно ничего не испугался и сделал бы все, чтобы возвести дочь Петра Великого на престол.

Но, говорят, его тяжело ранили в Крыму и он остался в одной из казацкой станиц на лечении.

Пожалуй, для фон Гофена это даже к лучшему: проживет дольше. Слишком многие в Петербурге желали его крови.

Елизавете было жалко гвардейца. Как многие женщины, она испытывала слабость к тем, кого можно смело назвать настоящим мужчиной, за чьей спиной всегда можно спрятаться. Но судьба распорядилась так, что фон Гофен оказался среди врагов, а позволить себе иметь такого врага цесаревна не могла.

Глава 1

Нет ничего хуже долгого пути, когда все темы для бесед исчерпаны, пейзаж за окошками возка утомляет однообразием, а желание быстрее вернуться к делам сжигает внутренним огнем. Невольно сожалеешь, что нет еще ни самолетов, ни поездов. Кругом исключительно одна конная тяга. Хлещи не хлещи бедную кобылку, скорость звука развить она не сумеет.

Огромны твои расстояния, Русь-матушка. И еще больше будут. Придет время телег самобеглых, паровых котлов и железных дорог. Вот только прогресс технический надо совместить с политическим, иначе все труды уйдут как вода в песок.

Бренчит сбруя, мерно бегут лошади, возок, поскрипывая, раскачивается из стороны в сторону. Вроде монотонного маятника – туда-сюда, вправо-влево. Болтанка почти как в открытом море, но переносится не в пример лучше.

Горит подпотоличный фонарь. Внутри блаженное тепло, хорошо и сухо. Но заняться все равно нечем. Разве что воспоминаниями...

Прошло несколько лет с того знаменательного события, когда меня прямиком из двадцать первого века забросило в 1735 год, в тело молодого курляндского дворянина Дитриха фон Гофена. Пусть и случилось это не по моей воле, но, что ни делается, все к лучшему. Даже если это «лучшее» началось весьма экстравагантно: новообретенный кузен Карл фон Браун втравил меня в драку с наемными убийцами. Мы тогда славно помахали шпагами, хотя врагов было больше. Прав великий полководец, говоривший, что «бьют не числом, а умением», благо последнего у меня было не занимать – пригодились занятия в секции спортивного фехтования.

Далее события разворачивались по нарастающей: солдатская команда арестовала нас с Карлом, застав на «месте преступления». Никто не заморачивался пустяками вроде выяснения обстоятельств, да мы и не отпирались, понимая, что никого наши оправдания не интересуют.

Так я угодил в казематы Петропавловской крепости, где по милости продажного чиновника Тайной канцелярии Фалалеева провел немало «приятных» минут на дыбе. Для тех, кто не знает, поясню, что дыба – пыточное устройство, при помощи которого на Руси традиционно развязывали любые языки (и это отнюдь не спиртное). Приятных ощущений сия процедура не добавила. Спасибо железному здоровью нового тела – отделался я сравнительно легко, но повторять этот опыт не собираюсь.

Однако нет худа без добра. В Тайной канцелярии состоялось мое знакомство с генерал-аншефом Андреем Ивановичем Ушаковым, человеком, которого я безмерно уважаю и поныне. В будущем его часто пытались представить эдаким палачом-садистом, однако я лишний раз убедился в том, что историкам оболгать человека – раз плюнуть.

Чего греха таить, гуманистом и либералом Андрея Ивановича не назовешь. Зато враги России трепетали уже при упоминании только его имени.

Ушаков первоначально планировал сделать из меня банального сексота, посланного в один из трех существовавших на тот момент пехотных полков лейб-гвардии. Не знаю, каким чудом мне удалось его переубедить. Оглядываясь назад, прихожу к выводу, что ходил я тогда по столь узкой грани, что в дрожь бросает. Ума не хватает понять, почему генерал-аншеф не прихлопнул меня, как не в меру оборзевшего кутенка. Скорее всего, интуиция (а у человека его должности и опыта интуиция должна быть такой, что закачаешься) подсказала ему, что я не такой, как все, что есть во мне нечто особенное, отличающее от других. И это нечто может послужить ему в будущем.

Еще в первый день пребывания в каземате я встретился с корректором реальности, или, как он предпочитал себя называть, Кириллом Романовичем. Он-то и поведал мне причины моего переноса на четверть тысячелетия назад. Хотите верьте, хотите нет, но оказывается, что наша история является экспериментальным полигоном для иных цивилизаций, на котором они отрабатывают наиболее благоприятные пути собственного развития. По большому гамбургскому счету, за подобные непотребства назвать их можно разве что козлами или уродами, но спустя энное количество лет у некоторых корректоров проснулось подобие совести и они решили восстановить справедливость. Таким вот макаром я и стал частью их стратегического плана. От меня требовалось не допустить елизаветинского переворота и сделать так, чтобы судьба младенца-императора Иоанна Антоновича стала не столь трагической, как в привычной реальности.

Всего-то делов, скажете вы. И верно – пара пустяков для человека, карьера которого началась с цугундера.

С самого начала все пошло вкривь и вкось. Я угодил в восемнадцатый век абсолютно неподготовленным и с первых минут пребывания нахватал неприятностей по самые гланды, а помочь мне Кирилл Романович уже не мог. Предложил выкарабкиваться собственными усилиями, чем я, собственно, и занялся, причем довольно успешно.

Настоящий Дитрих фон Гофен по примеру своих земляков намеревался вступить в русскую гвардию. Это никоим образом не шло вразрез и с моими планами. Служить я был рад.

Мы с Карлом, благодаря протекции подполковника Густава Бирона (да-да, брата того самого фаворита императрицы Анны Иоанновны), поступили в лейб-гвардии Измайловский полк. Служба оказалась ни медом, ни сахаром. Караулы, дежурства, учения. Но я втянулся, благо остался опыт еще той армии, из будущего. Начал рядовым гренадером, постепенно пошел в рост.

Заодно приохотился и к литературному труду. Начал писать роман с продолжением, который охотно публиковала небольшая питерская частная газета. Мои эльфы и гномы пришлись по душе читателям, не избалованным фантастикой и фэнтези. Хорошо, хоть Церковь и Синод не увидели в потугах начинающего литератора ничего крамольного, иначе не миновать мне костра Джордано Бруно. Но как-то обошлось.

Совершенно случайно мне удалось напасть на след распространителей фальшивых медных пятаков, и судьба вновь свела меня с Ушаковым. От него я получил важное задание: вместе с группой верных людей найти и уничтожить гнездо фальшивомонетчиков, располагавшееся в землях Польского королевства.

Попотеть нам пришлось изрядно. Мы едва не увязли в мастерски сплетенной паутине заговора, целью которого было втянуть Россию в войну со Швецией, Польшей и... кто знает, может, и с недружественной Францией тоже. Но победа бывает не только на стороне больших батальонов. Наша пятерка смогла не только выполнить задание, стерев с лица земли фальшивомонетчиков и их подручных, нет, мы расстроили вражеские козни, вывели на чистую воду предателя – князя Чарторыжского, и окружным путем вернулись в Россию, где получили заслуженную награду. Вдобавок я обзавелся невестой, которую полюбил всем сердцем. А моего кузена Карла судьба свела с загадочной Марьей-разбойницей. Похоже, эта девушка могла мне помочь найти Балагура – таинственного человека, подобно мне перенесенного в прошлое и игравшего на другой стороне. О его существовании я узнал из очередной встречи с Кириллом Романовичем.

Меня не удовлетворяла роль простого наблюдателя. Если мне выпал шанс изменить мою страну к лучшему – почему бы им не воспользоваться? Некоторые из моих идей упали на благодатную почву. Я оказался в числе тех, кто стал проводить военную реформу. Вместе с фельдмаршалами Минихом и Ласси мы не только переодели и перевооружили нашу армию, но и спланировали новую кампанию против крымских татар и их «патронов» – турок.

Неподалеку от города, названного нами Мелитополем, состоялось решающее сражение. Русские войска, в состав которых входил сводный гвардейский батальон, одержали убедительную победу над татарской конницей и десантом янычар. Правда, мне в той битве досталась пуля в спину, и у меня были все основания подозревать, что стрелял в меня не кто иной, как тот самый внутренний (и потому вдвойне опасный) враг – Балагур.

Гвардейцы ушли в Санкт-Петербург, а я остался в казачьей станице залечивать рану. Если бы не кузен Карл, примчавшийся сюда, чтобы вновь вызвать меня в столицу, может, я бы и дальше продолжал киснуть тут от тоски.

Сейчас мы с ним сидим в трясущемся возке и предаемся размышлениям.

От окончательного безделья я принялся вспоминать наш с Карлом разговор. Один из первых, который состоялся сразу, как выехали из казачьей станицы.

– Давай хвастайся: за что получил повышение?

– За башкир. Вздумали бунтовать, вот меня, сразу как от болезни оправился, и послали с солдатской командой на замирение.

Понятно. Сомневаюсь, что кузен испытал большое удовольствие от участия в карательных операциях, но вроде с башкирами на этот раз обошлись достаточно мягко. Бунт подавили, как же без этого, и кровь пролилась, однако не в столь больших количествах, как в прежние годы. Стоит заметить:

пострадали не только бунтари. Полетели под откос карьеры и, что немаловажно, головы тех, кто, собственно, и был главной причиной беспорядков – российских чиновников-хапуг.

Невольно ловлю себя на мысли: можно смело брать за жабры любого отечественного «начальника» и сразу ставить к стенке. Что в двадцать первом веке, что в восемнадцатом. И не ошибешься. Тут, как с любым опальным олигархом: максимально проявленной несправедливостью будет не та припаянная статья.

Перехожу к главному:

– Разыскал нашу разбойницу?

Это было мое «партийное» задание Карлу перед отправкой в поход. На результаты поисков Маши возлагались большие надежды. С помощью этой «Дианы-охотницы» я рассчитывал выйти на заклятого врага из неясного будущего. Теперь у меня появились к нему и личные счеты. Сволочь пальнула мне в спину во время битвы с крымскими татарами и подоспевшими им на помощь янычарами.

Выжил я чудом. Наверное, кто-то за меня помолился и поставил пудовую свечку Николаю-угоднику.

Судя по всему, Маша, которая не наша, знала второго попаданца. Понятно, что он должен обретаться в окружении Елисавет Петровны, но ведь не постельный же это ее штатный утешитель – малороссийский самородок Разумовский! У того разве что голос как пароходный гудок, силушка былинного богатыря да потенция Гришки Распутина, но вот с мозгами не полный порядок. Глуповат. Пока трезвый – мухи не обидит, а как напьется – туши свет. Говорят, даже на Елизавету руку поднимал.

В порядке бредовой версии можно предположить, что это некий вариант маскировки. Чтoб никто не догадался и на дурака не подумал.

Нет, не похоже. Розума этого никто всерьез не воспринимает и за ним не пойдет. Не та фигура. Не имеет должного авторитета. Да и не было его тогда на поле боя. Фаворит цесаревны в Санкт-Петербурге кроватку для Лизаветы-душечки теплом телесным согревал, пока мы с ногайцами рубились. Не он стрелял в меня, однозначно не он.

Тогда кто?

– Не сvezло.

– А?! Что?!

До меня не сразу дошло: не дождавшись ответа, я погрузился в столь глубокие размышления, что забыл про все на свете.

– Не сvezло найти девку-то. А жаль! Такая препикантная особа.

Карл аж замлел от удовольствия. Девка и впрямь была хороша, но я его о другом спрашивал, не менее важном, чем выдающиеся внешние данные красотки:

– Поясни: не нашел или не искал?

Кузен повинился. Выразилось это в слегка пунцовых щеках. Все же мой двоюродный братец во многих отношениях остался мальчишкой.

– Не искал, кузен. Ты уж прости. Меня сразу в оборот взяли, стоило только доктору заявить, что я пребываю в полной готовности. Тут же на башкир и отправили.

– Вот так номер! А подполковник Густав Бирон? Была же договоренность, – растерянно заморгал я.

– А он сам при болезни был. Вместо него полком премьер-майор Шипов командовал, вот он меня и заслал к башкирам. Когда вернулся, сразу же к Ушакову вызвали. Тот и говорит: скажи во весь дух за братцем твоим, фон Гофеном. Нужен он зело.

Раз нужен, значит, и впрямь в столице жареным запахло. По пустякам могущественный глава Тайной канцелярии Карла за мной гнать бы не стал.

– А что у вас в Петербурге за страсти-мордасти такие творятся?

– Да Балагур, скотина, как с цепи сорвался. Сколько народу пострелял исподтишка! Никого не жалеет.

Когда Карл перечислил основных жертв, я едва не присвистнул. Балагур нехило проредил ряды нашей аристократии. Пусть это были птицы не самого высокого полета, однако и не второстепенные фигуры точно.

Вопрос: зачем столько убийств? Разве могли эти несчастные помешать его планам? В случае елизаветинского мятежа большинство и пальцем о палец бы не ударило, чтобы воспрепятствовать (что, собственно, и случилось в реальной истории. Приняли как должное).

И крыша у моего врага вряд ли поехала на любой из почв. Нет, он эти «звезды зажигает», потому что ему так нужно.

В Петербург! Скорее!

Пока я, больной, валялся да страдал – ах, какой я забытый! Какой заброшенный! – этот моральный урод времени зря не терял. Что-то он замыслил, какую-то комбинацию, а я ему нехилую фору дал. Шутка ли – столько меня в Питере не было! Да за эти месяцы уже пять раз Елизавету можно было бы на престол посадить и свергнуть, устроив неслабую кадровую ротацию.

Вот тебе и фон Гофен, надежда России! Пинка мне надо было дать, чтобы я из Украины аж до Северной Пальмиры летел! Глядишь, столько народу в живых бы осталось.

Увы, способ транспортировки остался прежним. Разве что, благодаря особым бумагам, лошадей свежих на станциях давали сразу, как только мы изъявляли сие желание. Ну и показывали документы, производя среди станционных зрителей немалый фурор. Наверное, подобный и Киркорову с Пугачевой не снился.

А все равно грустно! Что хочешь делай – гложет тоска-кручина, и все тут. Даже водка не помогает.

Ничего, вот приеду в город кучи революций и прочего бардака, Андрей Иванович Ушаков такого мне пропишет – враз от меланхолии на долгие лета избавлюсь. И от угрызений совести тоже.

Аврал на работе – лучшее средство для измученного терзаниями духа бывшего представителя офисного планктона новой России, а ныне офицера и популярного бумагомарателя.

Кстати, о последнем. Ничто меня так не удивило, как внезапно обнаруженное продолжение моей фэнтезины в двухмесячной давности номере «Петербурга астрального», найденного на одной из станций.

Прихватил я газетку, чтобы прочесть на досуге, и едва не потерял от изумления челюсть.

Вроде все ничего: написано бойко и интересно, приключений по маковку, и главное – герои мои, такими, как я их задумывал, но есть одно важное замечание. Я ЭТОГО не писал.

Кто-то, воспользовавшись моим авторским псевдонимом «Игорь Гусаров», сочинял с пулеметной скоростью роман о моих эльфах и гномах. Первая реакция была как в кино: не понял! Потом: что за... трах-тибидох?!

Спустя время я решил поговорить по душам с редактором и единственным возможным кандидатом на роль литературного негра. Подозрения возникли сразу. Не иначе как преступная сущность Ваньки Каина закинула его в пучину этой литавантюры. Других претендентов не было. Сдается, обошелся «ученичок» и без учителя. Сам справился.

Хотя забавно, забавно. Интересно, в какой плепорции гонорар делить будем и как? Не буду же я хай на весь Питер поднимать. Такие вещи кулуарно решаются. Но это потом. Есть дела и поважней.

Рассказывать о дороге еще скучней, чем ехать. Разбойники благоразумно не преграждали нашему скромному возку дорогу, ибо что возьмешь с двух вояк, обвешанных оружием, как герои боевиков пулеметными лентами? Да ничего, кроме лишних отверстий, которые мы бы не преминули наделать в любом желающем.

Абсолютно неторжественный въезд в столицу состоялся поздно вечером. Измотанные и оголодавшие, мы сразу попали под крыло Акулины и Евстигнея Карповых, моих безумно уютных домашних слуг.

– Слава тебе господи, Дмитрий Иванович пожаловали. Здоровый и невредимый, – хлопотали они вокруг меня.

– Давеча сон снился, что барин наш скоро пожалует. Вещий был сон, в руку.

– Ой-ой-ой! Отощал соколик наш, совсем с лица спал. Ну дык мы энто мигом поправим.

– Намаялись, поди, с пути-дороги, устали, родимые.

Я виновато оправдывался:

– Да что вы, Евстигней, Акулина, со мной все в порядке. Устал немного, но ничего смертельного.

– Охохонюшки! Не говорите, Дмитрий Иванович. Мои глаза не обманешь.

Понятия не имею, каким чувством они догадались, что барин прибудет именно сегодня и именно сейчас, но нас уже ждала натопленная банька. Нахлеставшись вдосталь душистыми распаренными вениками, мы оказались за накрытым столом, у которого от выставленных яств только что ножки не подламывались. Тут я окончательно понял, что этикет – не русское и не немецкое слово.

Ели в три горла, забыв о том, с какой стороны должна находиться вилка, с какой ножик и для какой цели служат многочисленные фужеры, бокалы и тарелки.

Ганнуся, скрашивавшая мои одинокие дни и ночи после ранения, готовила так, что пальчики оближешь, но я уже успел устать от наваристых борщей, сала и вареников в сметане. Душа просила жареной картошечки, и она, выращенная моим крепостным «олигархом» Фомой Ивановичем Куроедовым и регулярно поставляемая к столу барина, была такой, что мы с Карлом едва язык не проглотили. Еще немного, и я лопнул бы.

Потом был сон. После трясуей повозки и заселенных клопами комнат для ночлега на казенных станциях пуховая перина воистину казалась райским облаком. Воздушным и мягким, словно зефир. Давно так не высыпался.

Утром предстоял визит к Ушакову. Он никуда не уезжал из столицы, и я рассчитывал застать его на месте постоянной работы, то есть в особняке Тайной канцелярии.

Учреждение это не из тех, в которые идешь с большой радостью. Ноги отнюдь не желали нести меня аки по воздуху.

Поскольку майорский мундир еще не был пошит, заботливая Акулина заставила меня переодеться в партикулярное платье. Где-то отыскала шикарную шубу наподобие тех, в которых плясали «нанайцы» в начале эстрадной карьеры, и нахлобучила на голову не просто меховую шапку-ушанку, а какой-то необъятный соболиный малахай размером с тележное колесо.

В таком неописуемом виде я и был выставлен на двор.

Об экипаже еще стоило позаботиться. Будучи неприхотливым человеком, я в армейской жизни преспокойно обходился без карет и повозок, привыкнув к седлу. Моя Ласточка ждала меня в конюшне, уже заседланная Евстигнеем.

Но я дал ему отмашку:

– На своих двоих доберусь.

– Как же так, барин?

– Да так. Пешком прогуляюсь. Разомнусь чуток.

– Дело ваше, барин, – согласился Евстигней.

На днях было потепление, и снег превратился в липкую грязную кашу, зато ночью ударил мороз градусов так в тридцать (по личным ощущениям).

В результате улицы превратились в каток. Приходилось передвигаться со скоростью беременной улитки, чтобы не грохнуться и не сломать руку или ногу.

Карлу повезло больше. Он мог преспокойно манкировать служебными обязанностями еще пару дней и потому бессовестно дрых в своей комнате. Кажется, один. Православные пуритане до мозга костей, Карповы не давали никакой поблажки даже «младшему барину».

Балагура и его приспешников я не боялся. Никто в городе не знает о том, что я вернулся. Даже моя суженая. Настя не раз справлялась обо мне у Акулины, но к невесте я хотел заявиться при полном параде.

Разумеется, не обошлось без сюрпризов. Я прошагал приличное расстояние, умудрившись упасть не больше пяти-шести раз. Ничего не сломал и не разбил, но синяками и шишками обзавелся. Не будь на мне меховой одежды, смягчавшей удары, потери для здоровья могли оказаться гораздо существенней. Я мысленно поблагодарил Акулину за предусмотрительность и заботу.

На пустыре со мной поравнялась темная карета на полозках без герба. Она сразу выпала из поля моего зрения, потому что мне было на нее наплевать. Подумаешь, катят люди по своим делам. Ну и пусть катят дальше. Ничего против не имею.

Но вот люди в карете имели что-то против меня.

Дверца распахнулась. Сразу несколько пар рук вцепились в ворот моей шубы, резко дернули, затаскивая внутрь.

Подобная наглость сбила меня с толку. Я и сопротивляться-то по-настоящему начал, когда было уже поздно. Секунда, и меня зажали как в тисках два мордоворота с простыми, как три копейки, холуйскими физиономиями.

– Он?

– Он!

Бац!

Интересно, почему во Вселенной так много тьмы и почти нет звезд?

Глава 2

Могутный широкоскулый мужик с густой бородой клинышком, толстым носом, суровыми колючими глазами и обширной плешью сидел подбоченясь, накинув на плечи парчовую шубу, и пытался пробуравить меня взглядом.

Видимо, считал себя не в меру крутым, но не на того напал. Поджилки у меня от страха не тряслись. Скорее наоборот: я только начинал заводиться.

Выглядело происходящее дурацким фарсом. То, что плешивый не имеет никакого отношения к Балагуру, стало ясно с первого взгляда. Тут было что-то другое. Причины еще предстояло выяснить.

Либо ошибка, либо кто-то давно точил на меня зуб.

Я прикинул, на чей хвост успел наступить за время работы в Военной комиссии. Пострадавших, разумеется, хватало, причем заслуженно. Метлой поганой повымело многих, но вряд ли они связывали крутые перемены в собственной жизни с неким бароном фон Гофеном. По сравнению с величинами, утверждавшими и подписывавшими реляции, я был микробом.

А плешивого вообще видел первый раз, его физиономия ни о чем мне не говорила.

Лучи яркого морозного солнца били сквозь высоко поднятые окна. В комнате было натоплено до одурения. Печи, наверное, раскалились.

Мужик усердно потел, но шубу не сбрасывал, хотя по насупленному лицу его то тут, то там пробегали тонкие маслянистые потеки, а под ногами уже образовалось мокрое пятно.

Одуряюще пахло травой и благовониями, будто, прежде чем меня сюда притащили, по дому прошелся священник с кадилом. Из красного угла глядели отстраненные лики святых.

– Шапку с него снимите. Да кланяется пусть боярину, – велел из-за спины кто-то невидимый.

Один из холуев сбил с моей головы шапку. Я рванулся, попытался достать его ногой, но сразу трое навалились сзади и оттащили прочь.

– Ишь ты какой! Ерепенится, немчура окаянная! – восхитился невидимый. – Кланяться его заставьте. Хучь лоб ему расшибите.

– Пошли вы! – на чистом русском ответил я. – Перебьетесь!

Сильные руки надавили на шею, заставляя склониться, но я напряг все мышцы, и, как ни пыхтели схватившие меня мордовороты, ничего у них не выходило, пока самый сметливый не догадался применить подсечку. Ноги невольно подогнулись, но даже тогда я не прекратил сопротивляться. Кем бы ни был этот «боярин», унижаться перед ним я не стану.

– Оставьте его, – приказал мужик в шубе, порядком утомленный безрезультатной возней.

Холуи моментально отхлынули. Я сумел выпрямиться во весь рост, поднял с отскобленного до идеальной чистоты дощатого пола шапку, отряхнул и водрузил на природой предназначенное место.

Во мне заговорила злость.

– По какому праву меня схватили? Вам что, жить надоело?

Плешивый и невидимый с издевкой засмеялись. Дождавшись, когда они перестанут трясти животами, я повторил:

– Еще раз спрашиваю: по какому праву вы меня схватили и привезли сюда?

– Как ты смеешь с боярином Тишковым так разговаривать, немец поганый?! – вынырнул сзади невидимка, оказавшийся узкоглазым (не иначе с татарской кровью) кривоногим толстяком с необъятным пивным чревом.

Я окончательно обозлился:

– А тебе какое дело, дядя? Чего пузо на меня выпятил, болван? Стоишь, как баба на сносях.

Толстяк чуть не поперхнулся, зато боярину мой наезд неожиданно понравился. Он захохотал, но уже безо всякой издевки. То был смех нормального веселого человека.

Тут я сообразил, что фамилия боярина мне знакома. Уж не Настин ли это сродственник?

Так уж получилось, что ничего толком о ее семье мне узнать не удалось, некогда было этим заниматься: то многочасовые совещания Военной комиссии, то поход в степь. Про то, как валялся без памяти после ранения, вообще молчу. Знаю лишь, что сиротой казанской моя драгоценная точно не была. И приданое за ней маячило немаленькое. Анна Иоанновна, когда занималась обустройством моей с Настей личной жизни, недвусмысленно об этом говорила.

А что из этого следует? Да то, что устроили мне такие вот своеобразные смотрины родители невесты.

Долго же они моего возвращения дожидались! Ладно, «папаня», понятия не имею, чего ты от меня добиваешься, но я с тобой потолкую как положено.

Но без свидетелей. Нечего чужим в семейные разговоры вмешиваться.

Взгляд в сторону. Так, вот этот мордоворот вырубил меня в повозке. С него и начнем.

– Эй, чучело, ну-ка поближе подойди.

– Ась?

Хрясь! На силушку я не поскупился, в нокаут отправил с одного удара. Так, кто тут проходит как номер второй? Дуй сюда, голубчик.

Драка на кулачках – известная русская забава, однако британские джентльмены не зря разрабатывали свои хуки и апперкоты. Сила силой, но, как говорят педагоги, знания, умения и навыки сбрасывать со счетов нельзя.

Занятия боксом вновь сослужили добрую службу. Я обманным ударом подловил противника, он раскрылся и тут же получил незабываемые ощущения от пробитого брюшного пресса или что там у этого товарища было вместо него.

Как выяснилось насчет третьего верзилы – техникой «стальной мошонки» он владел слабо, за что и поплатился.

Следующим был толстяк. Связываться с таким – все равно что руки марать. Бить его было противно и жалко. Он помог мне избавиться от затруднения, ломанувшись в закрытые двери с криком: «Убивают!» Башкой об косяк треснулся основательно, и, если бы не выпяченное пузо, искр из глаз у него посыпалось бы в несколько раз больше.

Сегодня я мог гордиться собой с полным основанием. Драка длилась секунд тридцать. За это время мне удалось вырубить троих, четвертый лишил себя сознания сам. Неплохой результат.

Мой родственник не успел слезть со своего стула, больше походившего на трон. Все же не зря говорят, что, если не открутить каждому боярину башку, он непременно будет метить в цари. А что? Пример перед глазами: у нас в восьмидесятых не придавили вовремя местных хомячков-бояр, вот они и разорвали страну на кусочки. Займись Горби «селекцией» местной элиты, начиная с приснопамятного первого президента невеликой и немогучей, как оно замечательно бы сложилось в исторической перспективе. Но не по Сеньке была та генсековская шапка.

Я подошел к боярину, протянул руку:

– Так понимаю, вы мой будущий тесть. Будем знакомы – лейб-гвардии майор Дитрих фон Гофен.

– Князь Александр сын Алексеев Тишков, – представился он. – Настя Тишкова, фрейлина императорская, мне дочкой приходится.

– А этот брюхатый... не сынок, чай? – полубопытствовал я.

Вот был бы конфуз.

Обошлось.

– Управляющий это мой, Ерошка.

– Понятно. Жаль, что у нас так первое знакомство случилось, – вздохнул я. – По-другому мне это представлялось, совсем по-другому. Ежели думаете обо мне что плохое, забудьте. За вашим богатством я не гонюсь. Все, что мне нужно, трудом своим праведным заработаю. Могу в том и расписку дать. А дочку мне вашу сама императрица сосватала. Нет, вы, конечно, можете супротив ее воли пойти, но я не советую. Согласны, что не стоит?

Боярин кивнул. Ему явно не хотелось перечить монаршей воле.

Я продолжил:

– С удовольствием продолжил бы нашу беседу, но, увы, спешу. Дела. Андрей Иванович Ушаков в Тайной канцелярии совсем меня заждался. Не будете возражать, если я сейчас вас покину?

– Н-н-не буду, – произнес боярин.

После того как в комнате прозвучало имя Ушакова, тесть отчетливо застучал зубами. Здоровая реакция, я бы сказал.

– Мы с вами еще обязательно увидимся, – пообещал я.

По-моему, мы расстались с будущим «папой» почти друзьями. Он даже любезно выделил для меня сани с кучером.

По дороге я предался размышлениям насчет родственников. Кое-какие соображения успели возникнуть.

Я не беру во внимание явную борзоту, проявленную Тишковым и его людьми. Это как раз нормально и понятно. Кто для него свалившийся из Курляндии (название-то какое смешное, ей-богу!)

мелкий дворянчик? Да никто! «Немец – перец, колбаса, кислая капуста», нищий охотник за приданым. Прищучить такого, напугать до полусмерти – богоугодное дело. Глядишь, побоится жениться и от свадьбы откажется. А там и партия куда выгоднее сыщется. Слева Голицыны, справа Нарышкины какие-нибудь.

Только отстал от жизни мой тестюшка. Не хватило ему мудрости вникнуть в детали и осознать, что ситуация не так проста, как могла бы показаться с первого взгляда.

Я теперь не просто немец, я – человек государственный. Да, не богат, не родовит, но за моей спиной самая страшная и могучая сила в стране – государственная машина, винтики которой трогать опасно и глупо.

Она нынче не обращает внимания на то, чей предок каким полком командовал на Куликовом поле. У нее иные приоритеты. Не заслуги прошлые, а дела нынешние ей интересны. А паршивый гвардейский сержантишка вполне может определить знатную фамилию на постоянное место жительства в Ханты-Мансийский край.

Следующий нюанс. Слово «боярин» уже практически исчезло из отечественного лексикона, ибо при Петре свет Алексеевиче их «душили-душили» и в итоге загнобили основательно. Нынче этот термин встречается разве что в иностранных газетах, когда тамошним редакторам жутко хочется подколоть нас за нашу «азиатчину», вот и выводят заграничные борзописцы, ухмыляясь, «руссиш бояре». Бывает, что справедливо.

А я даже забыл, когда в последний раз слышал это слово. Не в ходу оно, не в почете.

Однако челядь моего драгоценного «тестюшки» упорно называла Александра Алексеевича боярином, и не сказать, что это его ужасно огорчало. Принимал как должное. На полном серьезе думал, что я перед ним шапку ломать буду.

Вывод из этого проистекает элементарный. Кажется, моя родня принадлежала к партии противников реформ Петра Первого. Потому-то Тишковых в Петербурге не видно и не слышно.

Не столько в явной опале они находятся, сколько во внутренней эмиграции. Прячутся по медвежьим углам, на свет не показываются. Разумное поведение, выработанное годами практики. Так спокойней и безопасней.

«Ай-яй-яй! – скажет кто-то. – А как же преемственность, исторические традиции, святая Русь? Такие славные семейства, столько для страны сделали!»

Ну-ну. Посмотришь на каждого по отдельности – вроде герой, орел! А когда они все вместе? Пушной зверек это называется, никак иначе.

Как только Русь устояла? Почему ее шведам иль ляхам не продали, как в мои времена торгуют богатствами наших недр?

Ответ простой – потому что были люди, которые глядели дальше своей вотчины и думали не только о своих карманах.

Остались ли они в двадцать первом веке? Хочу верить, однако не получается.

Забудем на секунду о традициях. Безусловно, они нужны, но в каком объеме? Сомневаюсь, что в полном, а кое-что так и вовсе стоило бы оставить за бортом.

Боярщина – главный враг самодержавия и простого люда. Не зря Анна Иоанновна рвала кондиции под шумные аплодисменты собравшихся, ибо им тогда было предельно ясно: «семибоярщина» (чтобы и вам было понятно, приведу более близкий и понятный аналог из лихих девяностых – «семи-банкирщина») до добра не доведет.

Наша Русь стояла и стоит вопреки тем, кто греб и гребет под себя и пытается растащить ее на лоскутки. И выжигать эту сволочь нужно каленым железом.

Мне удалось перековать Антона Ульриха, пришел черед заняться новой родней.

Но сначала Ушаков и дела Тайной канцелярии.

Глава 3

Начал падать снег, свидетельствуя о скорой перемене в погоде. Оно и к лучшему. После теплого крымского климата мерзнуть совершенно не хотелось.

В Петербурге за время моего отсутствия случилось немало перемен. Главные касались воинского обустройства.

Специально для гвардейцев были выстроены слободы – предтечи будущих казарм. Анна Иоанновна приняла решение избавить горожан от тяжелого бремени постоя.

Все новые и новые батальоны переезжали в специально отведенные для каждой из частей военные городки. Теперь поднять полк по тревоге не представляло особой проблемы. Разве что офицеры вроде меня обретались на съемных квартирах или покупали дома.

Строились собственными силами. Пока Сводный гвардейский батальон находился в походе, оставшиеся в Петербурге гвардейцы засучили рукава и принялись за работу. Под визг пил и стук топора возводились солдатские светлицы, рассчитанные на четверых нижних чинов. Тут же вокруг них возникал забор, за которым начинал похрюкивать и мычать скот. Появлялись амбарчики, сараи, курятники. Разбивались огороды.

Выдвинутый фельдмаршалом Минихом проект огромных каменных казарм на полсотни человек отклонили из-за дороговизны. В ход шло дерево – самый дешевый и доступный материал.

Гвардейские слободки пока больше походили на деревни.

Убедиться в этом своими глазами мне еще не удалось, но, благодаря рассказам Карла, я уже имел некоторое представление, с чем придется столкнуться в ближайшем будущем.

Тайная канцелярия по-прежнему находилась на территории Петропавловской крепости. Туда и лежал мой путь. Мы подъехали к крепостным воротам. Я с сожалением скинул теплую хозяйскую шубу с коленей, которая грела меня всю поездку, и спрыгнул на утоптаный снег.

– Барин, мне тутова ждать? – с дрожью в голосе спросил кучер.

Он опасливо поглядывал на солдат в караульных тулупах. Служивые откровенно потешались над его трусливым видом и отпускали шуточки в адрес деревенского бирюка. Тот пугался еще больше и вжимал голову в плечи с такой силой, что могло показаться, будто у него вовсе нет шеи.

– Домой езжай, – разрешил я, пожалев мужика.

Он умчался, нахлестывая лошадь так, будто за ним гнались.

Часовые пропустили меня беспрепятственно.

В крепости царил образцовый порядок: дорожки расчищены, аккуратно посыпаны песочком. Над жилыми строениями курился печной дымок. Дрова аккуратно складированы под навесом.

Под крики сержанта маршировала караульная команда. Трое солдат лихо орудовали деревянными лопатами, раскидывая свежавыпавший снег.

Возле арестантских казематов пестрой кучкой столпились родственники узников, преимущественно женщины в овчинных тулупах, потертых кафтанах, шубах, укутанные с ног до головы в теплые платки, с котомками или узелками в руках. Судя по пестроте нарядов, общее несчастье объединило разные сословия. Были тут и дворянки, и люди «подлого происхождения».

Я прошел мимо саней. В них на подстеленной медвежьей шкуре сидел немолодой мужчина с угрюмым лицом. Его охраняли два фузилера, которые изредка покрикивали на тех, кто случайно приблизился к арестованному.

– Проходи, проходи, барин, – не очень вежливо произнес один из солдат.

Мужчина был мне не знаком, поэтому я, не останавливаясь, зашел в двухэтажный дом, в котором корпели в своих конторках канцеляристы. Дежурный вызвался провести меня к Ушакову.

Наша встреча походила на начало гоголевского «Тараса Бульбы». Помните незабвенное «А поворотись-ка, сынку»?

– А ну, дай на тебя посмотрю. – Генерал-аншеф Ушаков схватил меня за плечи и заставил покрутиться на месте. – У, еще больше вымахал, каланча курляндская. Скоро головой облака задевать начнешь, если ее раньше не отрубят.

– За что рубить-то, Андрей Иванович? – усмехнулся я.

– Думаешь, не найдется? – хитро прищурил правый глаз Ушаков.

– Да как прикажете.

Генералу ответ понравился, он заулыбался пуще прежнего. Чувствовалось, что Ушаков по-настоящему рад моему возвращению.

– Поправился?

– Так точно. Здоров как бык.

– Молодчага, барон. Как есть молодчага. Здоровье твое нам понадобится. Балагур этот окаянный совсем людишек моих измотал. Помощь нужна.

– Вы же говорили, что без меня справятся.

Ушаков насупился:

– То я тебе раньше говорил. Сейчас все переменялось. Плохие дела, фон Гофен. Со свейми нелады. Чует сердце – война вскорости будет.

– Из-за чего война? Что мы со шведами не поделили?

– Французы их подзуживают, хотят на нас натравить, как псов на медведя. А Балагур в том им помогает. Про посла свейского слыхивал?

Последние новости до меня еще не дошли, поэтому я спросил:

– А что с ним не так, Андрей Иванович?

– Все не так. Живота лишили. По всем приметам – снова Балагур. Никакого ладу с ним нет. Пальнул из укромного местечка, и поминай как звали. А Ушакову опять голову ломать, как с иродом этим управиться.

– Свидетели были?

– Откель? Токмо и слышали, как выстрел хлопнул. Хорониться Балагур умеет, этого у него не отнимешь. Ну ничего, попадется он мне – своими руками шею сверну. Всю душу из меня вытянул.

Генерал-аншеф опечалился. Видно было, что Балагуру удалось вогнать в ступор всю Тайную канцелярию.

– Я-то чем помочь могу, Андрей Иванович? Сыскарь из меня... Ну, никакой, в общем.

От истины я не отошел. Эркюлем Пуаро или Шерлоком Холмсом меня не назовешь. Ушаков должен это понимать. Надо быть профессионалом, чтобы разыскать убийцу, умеющего замечать следы, несмотря на всю свою наглость.

Весь мой опыт из будущего был бесполезен. Одно дело – читать детективы, другое – расследовать настоящее убийство. Однако обстоятельства складывались так, что я был лицом заинтересованным. То, что Балагуру не удалось в крымской степи, могло быть исправлено на скованных льдом берегах Невы. Я по-прежнему находился у него на мушке. Это стимулирует мозговую деятельность.

– Ловить Балагура я тебя не посылаю. Каюсь, была сначала сия задумка, но, здраво поразмыслив, пришел я к выводу, что не по зубам тебе это будет. Но, ежели мыслишки какие есть, поделись со стариком.

Мысли у меня были.

Всякое следствие начинается с рутины. Первым делом надо собрать максимум информации. Балагур уходил в Крымский поход и вернулся из него живым. Но кто он – офицер, унтер, рядовой? Служит в гвардии или в одном из расквартированных в Петербурге полков?

Стану исходить из наиболее вероятного предположения: Балагур состоит в старой гвардии, то бишь в Семеновском или Преображенском полку. И чин у него наверняка имеется.

Попаданца готовили на совесть, кандидатуру на вселение выбирали по возможности из тех, кому легче пробиться. Тогда он как минимум унтер. Анализировать становится проще.

Следующий этап: необходимо подготовить два списка и сравнить. В первом будут все прибывшие с войны унтер-офицеры, во втором – ближайшее военное окружение Елизаветы. Это значительно уменьшит количество подозреваемых, потому что в сводном гвардейском батальоне была всего треть личного состава из лейб-гвардии.

По закону подлости может оказаться, что все служивые дружки-приятели цесаревны участвовали вместе со мной в боевых действиях, но я рассчитывал, что мне повезет и кого-то удастся отсеять еще на этом этапе. Была и другая трудность – Балагур мог шифроваться и не показывать своих симпатий к Елизавете в открытую. В таком случае почти вся работа пойдет насмарку, но проделать ее все равно необходимо.

Все эти соображения я и выложил Ушакову. Подумав, он согласился.

– Людишек, что подле цесаревны крутятся, переписут. Для того к Елизавете Петровне и приставлен безвестный караул, чтобы привечать, с кем она хороводится. И тех, кто с похода возвратился, тоже в письменности представят. Как бы не окриветь, эндаские обои изучаючи.

– Надо постараться, Андрей Иванович, – вздохнул я, догадываясь, что фамилий в обоих списках будет немерено.

Цесаревна пользовалась в старой гвардии популярностью и частенько бывала в новопостроенных гвардейских слободах, не брезгуя именинами обычных сержантов. Кто-то видел в этом широту натуры и демократичность, я же подозревал подготовку к захвату власти. Подобных людей в мое время называли популистами. Елизавета уверенно шла по этому пути. Не удивлюсь, если выяснится, что ее кто-то умело направляет.

Следовательно, вырисовывалась картина маслом «Подозреваются все». Но зерна от плевел, хочешь не хочешь, придется отделять, дабы не получить удар в спину.

– Вот-вот, очень надо постараться, – закивал Ушаков.

– Когда будут готовы списки?

– Неделька уйдет на составление, никак не меньше. Может, и выйдет какая польза.

– Должна выйти. Хотя бы круг подозреваемых установим.

– Верно. Не все ж людишкам моим землю носом рыть. Пусть головешкой поразмышляют. Здравая мысль, фон Гофен, здравая. Но Балагур – это одна беда. Вторая – свеи. И беда эта неминуемая. Война тебе ближе по ремеслу, я так понимаю.

Я кивнул. Воевать мне действительно было больше по душе, чем ловить преступников. Заниматься нужно тем, что умеешь. Я умел убивать.

– Вот к ней и готовься. Ты, капралом гвардейским будучи, на лыжах нижних чинов своих бегать учил. Не забыл дело сие?

– Никак нет, не забыл.

– Вот и прекрасно. Понадобится нам отряд лыжный, чтобы свеев разведывать да спуску им не давать. Поручение опасное, но нужное для отечества и почетное. А чтобы ты, голубь сизокрылый, на части не разорвался, мной от матушки императрицы высочайшее согласие получено, дабы ты до поры до времени при мне обретался. Получишь под руку роту гвардейскую Измайловского полка, ее и готовь.

– Когда начнется война? – спросил я осторожно.

– Не удивлюсь, ежели завтра об этом объявят, – устало пояснил Ушаков.

Хлопнула дверь, сквозняком задуло свечи. В комнату ворвался взбудораженный мужчина.

– Андрей Иванович, Левицкий объявился. У девки распутной Чарыковой вторую ночь обретается.

Генерал-аншеф распрямился пружиной, просиял:

– Ну, фон Гофен, хочешь чуток поразмять косточки?

– Что делать надо, Андрей Иванович?

– Да злодея этого Левицкого повязать и ко мне доставить. Много от него вреда для нас образовалось.

– Мне одному пойти?

– Ни в коем разе. Кто у нас сегодня в караул заступил? – обратился Ушаков к ворвавшемуся.

Тот наморщил лоб, вспоминая:

– Полурота Преображенская с капитаном Кругловым.

– Вот и славно. Круглов – офицер справный. Бери капитана да фузилеров преображенских с десятком и с ними за Левицким отправляйся. Хоть живым, хоть мертвым, но сюда его привези.

– Будет сделано, – сказал я и щелкнул каблуками.

Глава 4

Уже во дворе я расспросил канцеляриста о Левицком:

– Поведай, что за вина на нем, почему Ушакову потребовался?

– Про майора Циклера слышали? – на ходу набивая трубку, поинтересовался канцелярист.

О пропавшем майоре Синклере и шумихе, поднятой зарубежными газетами вокруг его исчезновения, я слышал, что подтвердил коротким кивком.

– Вот Левицкий майора-то и анлевировал. Потом, вместо того чтобы тайно бумаги Миниху да Ушакову свезти, к послу швейскому заявился и во всем ему признался. Как на духу выложил. Дескать, совесть его замучила, не смог грех смертоубийства замолить и потому все фон Нолькену в подробностях обсказал, а в доказательство бумаги, им у Циклера отобранные, предъявил. После таких известий swei переполох подняли, а уж когда самого посла кто-то изничтожил, совсем дурными стали. Никаких резонов не слушают.

– То есть Левицкий после этого удрал?

Чиновник кивнул:

– Мы попервой так и думали, что его swei тихонечко из Питербурха вывезли. Искали-искали – ничего не нашли. А сегодня доверенный человек шепнул, что видел Левицкого у девицы непотребной.

– Понятно.

Кем бы ни был этот Левицкий – просто дураком или предателем, его необходимо арестовать и самым тщательным образом допросить. Вред, который он нанес родине, огромен. Из-за него мы и в самом деле втягивались в ненужную войну.

Швеция всегда была опасным противником. Драться шведы умели. У Карла XII была лучшая армия в Европе. Победа в Северной войне досталась нам дорогой ценой.

Надо быть объективным: если бы не бешеная энергия Петра Великого и ряд счастливых обстоятельств (например, то, что Карл не стал добивать русских после нарвской «нелепы», а взялся за других врагов), я даже не берусь предполагать, чем бы все закончилось.

Учитывая близость шведской Финляндии к Петербургу, ситуация для нас складывалась не из приятных. Основные войска находились на южных рубежах. Путь сине-желтым мундирам могли преградить лишь слабые гарнизоны да расквартированные в столице и окрестностях гвардейские полки. Остальные просто не успеют подтянуться, если шведы ударят прямо сейчас.

К тому же могли выступить и поляки, тоже обиженные на русских. Не обязательно с подачи своего короля, который хоть и был обязан Анне Иоанновне короной, тем не менее всегда мог укунить руку дающего. Ляхи уже несколько лет вынашивали планы мести.

К примеру, тот самый князь Чарторыжский, который едва не подставил нас во время истории с наказанием фальшивомонетчиков. Он запросто мог выставить против России многотысячное войско. Если его поддержат остальные магнаты, мы бы вынужденно повели войну на три фронта.

И, уж конечно, не обошлось бы и без интриг Версаля. Французы и без того финансово помогали всем нашим врагам: подкидывали золотишко и туркам, и полякам, и шведам.

Дикая выходка Левицкого грозила обернуться такими неприятностями, что я лично задушил бы гада вот этими руками, которые сжимали сейчас рукоять шпаги.

Капитан Круглов был знаком мне еще по Крымскому походу, потому я мог сразу переходить к делу, без лишней траты времени на представление.

Отреагировал он, как и положено настоящему вояке, четко и собранно.

Минуты не прошло, как мы уже катили на трех санях, в которых разместились, кроме меня, капитана и канцеляриста, еще десять солдат из роты Круглова.

Жила распутная деваха Чарыкова на втором этаже кабака, расположенного неподалеку от портовой гавани. Ставни и двери заведения были прикрыты. Посторонних сюда не пускали. Основная публика – завсегдатаи: матросы торговых кораблей, грузчики, всякая ободранная шваль, от которой за версту несло уголовщиной.

Солдатские патрули и полицейские обходили это место стороной.

Мы предусмотрительно остановились в квартале от него.

Пожалуй, десяти гвардейцев может и не хватить, если публика из кабака вздумает вступить за Левицкого. Надеяться на благоразумие пьяного отребья и моряков – больших любителей подраться – не имело смысла. В алкогольном угаре они были готовы на любые «подвиги».

– Что же ты сразу не сказал, в какой вертеп ехать придется? Я бы больше фузилеров с собой взял, – накинулся Круглов на канцеляриста.

– Дык это... Не сообразил поначалу, а потом поздно было, – повинулся тот.

– У-у-у! Голова садовая, два уха, – разозлился капитан.

Я попросил его утихнуть.

Оставалось еще узнать, тут ли Левицкий, иначе мы вообще зря сюда прикатили.

Эта проблема разрешилась просто.

Канцеляриста уже ждали. Откуда-то из подворотни вынырнула темная согбенная фигура и, крадучись по-кошачьи, подошла к нему. Это была женщина лет пятидесяти на вид, хотя, как я выяснил позже, информаторша едва разменяла третий десяток.

Землистого цвета кожа, морщинистое лицо, нос с красными прожилками, развязность в поведении выдавали в ней пьянчужку и почти гарантированно – особу легкого поведения, хотя до какого же нетерпежа нужно дойти, чтобы польститься на такую «красотку».

Разбитная бабенка, шамкая беззубым ртом, сообщила, что Левицкий по-прежнему обитает у Чарыкиной и никуда не уходил.

– Вот те хрест, – побожилась она, не забыв перед этим окинуть нас липким оценивающим взором.

Я поежился. Прелести этой Афродиты убивали любое желание наповал.

– Пьяный? – логично предположил Круглов.

– Трезв аки стеклышко. Не пьет он, каждого шороху боится, – пояснила женщина.

Капитан вздохнул.

– Можно его выманить наружу? – без особой надежды в голосе поинтересовался канцелярист.

Бабенка хрипло засмеялась:

– Да его калачом никаким оттудова не выманишь. Все сидит, мается. Ждет чаво-то.

Мы переглянулись. Не исключено, что Левицкий ждал людей из шведского посольства, которые по всем шпионским правилам должны были обеспечить ему прикрытие.

– Другие выходы из кабака имеются? – спросил я.

– А как же ж? Да не один, – ответила женщина.

– Может, через второй выход и ворвемся? – предложил я.

– Ты, мил человек, думаешь, тебя туды пустют? – засмеялась она. – Закрыто все на засовы да запоры чижолые.

– Ты же там своя. Впусти нас через другую дверь.

– Мил человек, меня же на куски порвут, ножами по живому телу порежут, жилы вынут. Я хоть гулящая баба, но понимание имею. Хде и куда вый ти можно – обскажу, а с остальным сами разбирайтесь. Мне моя душа-полушка дорога.

Бабенка протянула руку, недвусмысленно намекая на вознаграждение.

Канцелярист отсчитал ей пару медяков и отпустил после нескольких вопросов. Проститутка исчезла в провале подворотни.

– Какие будут предложения, господа? – спросил Круглов. – Вломимся все сразу или кто-то попробует скрутить негодяя единолично?

Оба варианта имели как достоинства, так и многочисленные изъяны. Подумав, мы решили задействовать солдат только на крайний случай. Если в кабаке начнется шум, Левицкий попытается удрать. Вдруг у него это получится? Ищи потом ветра в поле.

Канцелярист, знавший злодея в лицо, описал нам его внешность. Братья Левицкого я решил в одиночку. От чиновника из Тайной канцелярии в таком деле толку мало, и Круглову (хоть он и настаивал на обратном) пришлось остаться с солдатами. Кто-то должен был ими командовать, чтобы вмешаться в нужный момент, если ситуация выйдет из-под контроля.

На счету был каждый человек, однако Круглову пришлось направить одного гвардейца за подкреплением.

Поскольку я был одет в штатское, мне пришла в голову идея разыграть потенциального клиента заведения мадам Чарыкиной – поддатого горожанина, неразборчивого охотника за доступными женщинами. Достаточно распространенный типаж в любом столетии.

Для большей достоверности я хлебнул немного водки, отыскавшей во фляге канцеляриста. Шубу и шапку, как ни обливалось кровью сердце, пришлось слегка изгваздать, чтобы вид у меня был подобающий.

Придав лицу слегка придурковатое выражение, я раскачивающейся походкой направился в кабак.

Фейс-контроль осуществляли двое мрачных детинушек с короткими дубинками за поясом. Не удивлюсь, если в свободное время эта парочка раздевала случайных прохожих в темных закоулках Петербурга. Похожие молодчики когда-то изрядно подпортили нам с Карлом вечер, когда мы вышли от ростовщика Пандульфи с деньгами, которые выручили, заложив мою шпагу. Драка была кровавой и жестокой. Спаслись мы чудом.

Хоть я и не походил на обычную публику кабака, вышибалы разрешили войти, догадываясь, что на обратном пути кошелек мой полностью опустеет. Взгляд у них при этом был оценивающий, так рыночные торговцы смотрят на явных лохов ушастых, обвести которых вокруг пальца – святое дело.

За грязной стойкой стоял хозяин заведения – цыганистый тип с лоснящимися жирными волосенками, оттопыренными ушами и маленькими поросячьими глазками, постреливавшими из одного конца кабака в другой. Ловко суетились служки с подносами.

Густой табачный дым клубами поднимался к закопченному потолку. Желтым светом горели несколько сальных плошек.

Я безрезультатно искал свободный стол. Все были заняты, некоторые посетители расположились прямо на полу.

Признав во мне дворянина, расторопный служка решил проблему с обустройством нового гостя, подкатив для меня пустой бочонок и поставив его торчком. Откуда-то взялся и раскладной стол. Его протерли сальным полотенцем. Пришлось сделать заказ: вино и закуску. Прежде чем брать Левицкого, следовало освоиться в незнакомом месте.

В ближайшем углу возникла стихийная ссора. Кто-то чего-то не поделил и теперь, взявшись за грудки, выяснял отношения. Соседи не обращали на это ни малейшего внимания. Подобные эксцессы случались тут постоянно. Вспыхнувшая драка закончилась совместной попойкой. Обидчик и обиженный сидели теперь обнявшись и горланили песню.

Я неспешно попивал дрянное, разбавленное чуть ли не до состояния колодезной воды вино. Рядом, опрокидывая стакан за стаканом и закусывая исключительно краюшкой хлеба с солью, надирался ухарь в живописных лохмотьях. Остальные были ему под стать.

Покончив с «трапезой», я поманил к себе служку и завел с ним речь насчет женского общества. Сначала мне показали на дрыхнувшую возле печки бомжиху, от которой за версту несло махоркой и мочой. Видимо, для невзыскательных клиентов годилась и она. Я нахмурился и, показав зажатый между пальцами медный пятак, дал понять, что эта Афродита для моих телесных утех не подходит.

Обслуживавший меня парнишка сбегал наверх и вернулся с радостной вестью, что у «мамзель» Чарыкиной как раз имеется свободная девушка, причем «из немок, кожей белая, статью видная, на зад крепкая, политесам разным и благородному обхождению обученная».

– Ежели господину угодно, он может пройти. Его ждут-с.

Я заулыбался и потопал по скрипучей лестнице на второй этаж, отданный исключительно под вертеп. Обстановка там была немногим лучше. Определенный уют создавали вытопанные дорожки и веселенькие обои на стенах, изображавшие не то Бахуса, не то Купидона, а может, и вовсе нечто третье, ибо в греко-римской мифологии я разбирался на единицу с минусом, хотя старые советские мультики про минотавров, аргонатов и прочих язонов безумно любил. Но сюжеты в них, если верить моим школьным учителям, были весьма купированы по сравнению с оригиналами.

Вдоль стены находились двери в «кабинеты». В одном, как предполагалось, и размещился беглый Левицкий. Знать бы в каком.

Внезапно ближайшая дверь справа открылась наполовину. На пороге с подсвечником в руках появилась женщина весьма плотного телосложения, в длинной рваной ночнушке.

– Деньги покажи, – велела она гнусавым голосом, наводившим на мысли о нелеченном венерическом заболевании.

А может, ну его, этого Левицкого?! Его пребывание в таком клоповнике вкупе с услугами местных жриц любви я бы смело приравнял к каторжным работам во глубине сибирских руд. Наверняка он уже успел нахватать тут болячек больше, чем у собаки блох.

Превозмогая нахлынувшее отвращение, я вынул из кармана кошелек и позвенел его содержимым перед женщиной.

Удовлетворенная мамзель Чарыкина (а кто это мог еще быть, кроме нее?) кивнула и сделала приглашающий жест рукой:

– Заходи, господин хороший. Скоро к тебе придут. Не пожалеешь.

Пока она со слоновьей грацией шагала по половицам, я, глядя на ее совершенно неаппетитный округлый зад, прикидывал, можно ли добиться от нее силой или подкупом информации о прячущемся Левицком.

Вряд ли. На такие мысли меня надтолкнул появившийся сзади здоровяк, который был на голову выше тех вышибал, что встречали у входа в кабак. Он молча наблюдал за моими действиями. Я сначала хотел под видом пьяного вломиться в парочку дверей, чтобы проверить, не за ними ли прячется Левицкий, но суровый взгляд верзилы заставил отказаться от этого намерения.

Из оружия при мне была только шпага. От пистолета, настойчиво предлагаемого Кругловым, я отказался по ряду соображений. Скрыть его от внимательных глаз кабатчика, слуг и уж тем более вышибал все равно бы не получилось. А шпага... Дворянин я или право имею?

Комната свиданий напоминала школьный пенал – вытянутая и узкая. Вмещалась в нее только кровать с высокими спинками и без всяких стыдливых балдахин. Постельное белье не меняли с момента основания Петербурга. На обоях виднелись кровавые следы от раздавленных клопов. Удушливо пахло потом, немытым телом, мускусом и какой-то дрянью, отдаленно похожей на ароматические палочки.

Я присел на кровать и стал при открытых дверях дожидаться обещанную «немку». Возможно, через нее мне удастся вывести про Левицкого.

Она появилась минут через пять: довольно миловидная девушка, рыженькая, слегка в конопушках. Исключительно ради смеха я поприветствовал ее на немецком и быстро понял, что язык этот, как и прочие иностранные, был ей незнаком. Так я и думал. Красотка оказалась отечественного разлива.

Закрыв входную дверь, девушка скинула с себя одежду и хотела сразу перейти к делу, но я положил перед ней рублевик и задал вопрос о Левицком. Видя, что она колеблется (и хочется и колется), пришлось пойти на дополнительные траты. Рядом с монетой появилась вторая, точно такая же. Рыженькая нервно сглотнула. Еще немного, и лед тронется.

– Не бойся, – сказал я. – Это твое.

За два рубля меня снабдили информацией по самую маковку. Теперь я знал все. Осталось только извлечь из этого пользу.

Закончив «исповедь», девица вопросительно посмотрела на меня.

Требовать от нее еще и профессиональных услуг я не собирался и отрицательно покачал головой.

Себе дорожке выйдет. Треть армии и без того имела целый букет венерических заболеваний. Вливаться в эти стройные ряды я не хотел. К тому же в Питере, под бдительным оком будущего тестя и рядом с дорогой невестой Настюшкой, я намеревался вести себя, как полагается «руссо туристо, облик морале».

– Отдыхай. – Я выразительно похлопал по кровати. – Поспи или просто подремли, а я пока в коридор выгляну.

Девица сделала испуганные глаза:

– Барин, а не боишься, что тебя убьют?

– Боюсь, – кивнул я.

– Там, в коледоре, Угрюм бывает, что стоит. Смотри, барин, как бы не приласкал он тебя. У него рука, – рыженькая приподняла руку, сложила пальцы в кулачок, – у какая! Каждый кулачище с пуд весом.

– Вот и проверим.

Угрюм, здоровенный мужичина, исполнявший обязанности стража порядка в заведении мамзель Чарыкиной, никуда с поста своего не делся. Разве что повернулся ко мне спиной и, склонившись в три погибели, подслушивал охи и ахи из соседнего «нумера».

По всему выходило, что ничто человеческое ему не было чуждо.

Пока он пускал слюни, я перерыл всю комнатушку в поисках предмета потяжелей. Идти на этого «еракла» с голыми руками было бы чистой воды сумасбродством. Идеальный вариант – ковш экскаватора, но, по понятным причинам, с этим у меня были проблемы.

В итоге взгляд остановился на чугунном ночном горшке, спрятанном под кроватью. Весило это изделие нелегкой промышленности килограммов пять-шесть. Вдобавок было снабжено удобной ручкой. Не ночная ваза, а идеальное оружие для снятия часовых.

Ступая на цыпочках, я осторожно подобрался к Угрюму, хотя мог бы особенно и не стараться. События, разворачивающиеся за стенкой, заинтриговали его настолько, что он не среагировал бы даже на взрыв гранаты в двух шагах от него.

Чугунный горшок и не менее чугунная голова пришли в соприкосновение. Я вкладывал в удар всего себя, всю душу, потому он получился что надо. Угрюм закатил глазки и улегся на пол. Думаю, все его потери здоровья в итоге сведутся к легкой форме головокружения да набитой шишке.

Эта помеха была устранена. Но нельзя было допустить, чтобы кто-то увидел Угрюма в таком положении. Я затащил его в свою комнатушку и бросил прямо перед кроватью, на которой, испуганно открывая и закрывая рот, полулежала рыженькая.

– Пусть он тут пока побудет. Ладно? – вежливо попросил я.

Она закивала.

– Пока. Не волнуйся, все будет в порядке.

Я вернул горшок на место и снова вышел в коридор. Пока все шло гладко, без сучка и задоринки.

Левицкий находится за второй дверью слева. Вопрос: один он сейчас или нет? Если с ним дама, боюсь, она может поднять такой переполох, что на него сбежится пол-Петербурга. С мужиками в этом плане легче. Пока сообразят, что надо вопить во весь дух, успеешь вырубить.

Пришлось последовать примеру Угрюма. Я присел и стал прислушиваться к звукам в комнате Левицкого. Там вроде все было спокойно. Доносилось лишь мерное дыхание спящего человека. Умаялся, видать, бедолага, от закона прячется.

Прикинув пути отступления, я легонько толкнул дверь рукой. Она была заперта. Что ж, этого и следовало ожидать. Перепуганный до заячьей дрожи Левицкий не собирался делать мне одолжение, оставив дверь нараспашку или просто притворив ее без всяких запоров.

Тем не менее надо понимать, что он нашел себе убежище в вертепе, а не в бронированном бункере банка. Я просунул кончик шпаги в щель между косяком и дверью, подцепил острием деревянный засов и стал тихонечко его двигать в нужную сторону.

Потратив на необходимые манипуляции пару минут, я смог войти внутрь.

Здесь воняло табачищем похлеще, чем внизу. Должно быть, сам Левицкий был не дурак выкурить трубочку-другую, да и, благодаря хитрой системе «вентиляции» в кабаке, весь табачный дым поднимался наверх. Стоило большого труда не закашляться.

Человек в точно такой же кровати, как та, на которой я мог бы предаваться утехам с рыженькой, бессовестным образом дрых. Причину я выяснил сразу, как только носком сапога задел на полу пустую бутылку. Она с характерным звуком укатилась под кровать, однако «клиент» продолжал дрыхнуть без задних ног.

Эх, наврала распутная бабенка нам с Кругловым. Бухает наш клиент, еще как бухает. Когда на душе паршиво, рука сама тянется к бутылке.

Меня это удовлетворяло, так же как развалины рейхстага героев фильма «В бой идут одни старики».

Судя по всем приметам, это действительно был Левицкий – достаточно крупный мужчина, однако значительно уступавший мне по росту и массе. Все же в лейб-гвардии гренадеры императрицы-матушки Анны Иоанновны хлипких не брали.

Беглец дошел до такой кондиции, что я мог переть его хоть до канадской границы, не вырубая. Впрочем, я не нанимался в носильщики. Этот «багаж» мог и сам двигать ножками.

Поскольку с водой в комнате было не очень, а под кроватью нашлась еще одна бутылка вонючей жидкости, имевшей мало общего с водкой, я вылил содержимое сосуда на голову бывшему драгунскому офицеру. Он вздрогнул и смешно зафыркал, как собака, которой шерсть попала в ноздри.

Увидев меня, Левицкий напрягся.

– Не волнуйтесь, – сказал я ему на чистейшем немецком. – Я прибыл за вами.

Драгун оказался полиглотом. Он понял меня и закивал:

– Вас прислали из посольства?

– Я-я! – закивал я и добавил уже на русском, нарочно ломая язык и коверкая слова: – Тафайте собираться. Надо скорее уносить отсюта ноги. Сюта в люпой момент могут нагрязнуть люти Ушакова.

Расчет оказался правильным. Левицкий принял меня за шведа и стал быстро собираться. Переоделся в относительно чистый камзол, поверх которого накинул зимнюю епанчу с меховой подкладкой. Надел треуголку с плюмажем и потянулся за шпагой.

– Бистрее, херр офицер, бистрее, – заторопил я и выхватил у него из рук оружие.

Не до конца въехавший в ситуацию, Левицкий поспешил за мной к выходу.

В этот момент в другом конце коридора показались сразу трое, в которых легко можно было узнать дворян и, судя по моде, – иностранцев. Увидев, что я веду под руку Левицкого, первый из них злобно сверкнул глазами и вытащил из-под полы тяжелого плаща заряженный пистолет.

Вороненое дуло его было направлено на меня.

«Влип, – подумал я. – Вот это, наверное, и есть настоящие шведы, которых ждал и наконец дождался Левицкий».

Глава 5

Действовать надо было стремительно. К счастью, Левицкий еще слабо соображал и поверил бы в любую придуманную мной чушь.

– Это люди из Тайной канцелярии! – завопил я, толкая его в дверь комнаты, откуда мы только что вышли, и, сделав резкий выпад, всадил шпагу в ближайшего шведа.

Тот осел и выпустил пистолет из ослабевших рук.

Готов, отметил я про себя.

Поскольку у меня было сразу два клинка (мой и Левицкого), я не стал тратить драгоценное время на выдергивание шпаги из тела поверженного врага. Следующий противник кубарем покатился по лестнице. Я придал ему нужное ускорение ударом правой ноги. Получилось не хуже, чем в гонконгских боевиках с Джеки Чаном. Пересчитав головой все ступеньки, швед остался лежать внизу. Его моментально обступили привлеченные криком и звуками драки люди с первого этажа.

Третий оказался опытным бойцом, он ловко ушел от удара, рывком выдернул шпагу из ножен и бросился на меня. Наши клинки скрестились, а лица сблизились. Серые жестокие глаза шведа глядели на меня с ненавистью. Я ответил ему взаимностью и оттолкнул левой рукой. Теперь мы оказались друг от друга на расстоянии в два метра. Это охладило нас обоих.

– Умри, негодяй! – пожалуй, слишком пафосно крикнул он.

– Предлагаю сдаться. В противном случае не могу гарантировать вам жизнь, – не менее пафосно ответил я.

Еще немного, и я окончательно перейду на возвышенный лексикон «Трех мушкетеров» Дюма. В мое время слов обычно тратили меньше. Экономии на всем, включая благородство и честь.

Ритуал обмена «любезностями» был закончен.

Вместо ответа швед принял высокую дуэльную стойку, направив лезвие мне в лицо. Я стал медленно приближаться.

Коридор был слишком узким и ограничивал нас в движениях. Клинки снова скрестились. Удар. Швед легко парировал мой выпад. Похоже, он был знатным бретером. Мне «повезло» нарваться на противника, собаку съевшего на таких поединках. Он перешел в контратаку. Под градом его ударов я вынужденно попятился, потом изловчился и перехватил инициативу. Теперь уже швед отступал к ступенькам лестницы. Он попытался применить ложный финт, но я шестым чувством угадал его намерение и ринулся вперед, ломая противнику задуманную стратегию, однако ему удалось отбиться.

Пока что мы прощупывали друг друга в поисках слабых мест, ибо ни на мне, ни на шведе не было ни царапины. И никакого отношения к везению или чистой случайности это не имело. Мы были профессионалами, примерно одинаковыми по опыту и умениям. Швед дрался с отчаянием человека, уверенного в своей правоте, которому некуда отступить. Как ни крути, он находился на чужой территории, и положение его было шатким. Если в драку вмешаются люди с первого этажа, они почти гарантированно примут мою сторону. Впрочем, в последнем я все же сомневался. Наверняка шведы приплачивали кабатчику и владелице вертепа, чтобы спокойно обделявать тут свои делишки.

Сражение шло с переменным успехом. Фортуна была благосклонна к нам обоим и не желала отдавать кому-то одному предпочтения. Атаки завершались контрвыпадами, ложные маневры не увенчивались успехом. Так могло продолжаться довольно долго. Воистину, как говорил один мультяшный герой: «Бесконечность – не предел!» Но у меня с временным ресурсом было неважно.

Я сбросил с плеч шубу, чтобы использовать ее в качестве щита. Противник с аналогичной целью расстался с зимним плащом. Выпад, звон стали, ответный удар. Острое сверкающее лезвие оказалось в каком-то сантиметре от моего носа, я едва успел отпрыгнуть. Чисто инстинктивно ткнул шпагой вперед. Есть! Укол!

Хорошо все же превосходить врага ростом. Мне удалось ранить шведа в правое плечо. На месте раны сразу выступила кровь. Побледневший бретер шагнул назад.

– Сдавайся, – предложил я.

Швед отрицательно покачал головой, переложил шпагу в левую руку и двинулся на меня исключительно из-за упрямства, а может, и ненависти ко всем русским в моем лице.

Клянусь всеми святыми, я не собирался его убивать. Похоже, понимая, что бой проигран, он сам сунулся под удар и умер с гримасой презрения ко мне и смерти.

Расправившись с ним, я перевел дух, вытащил из комнаты Левицкого и стремительно кинулся вниз.

Как и следовало ожидать, столпившийся внизу народ увидел во мне убийцу, а может, еще и отнес фразу насчет Тайной канцелярии на мой же счет.

Беспрепятственно покинуть кабак нам не дали. В воздухе ощутимо запахло жареным.

Взвинченные кровавой дракой и ненавистью ко всем карающим органам, люди обступили нас со всех сторон. В этот момент послышались мощные удары в закрытые предусмотрительным кабатчиком входные двери и грубые голоса Круглова и его солдат:

– Откройте, собаки! Слово и дело государево!

– Кончайте энтого сыча, робята, да побыстрее! – завопил, тыча в меня пальцем кабатчик. – Я пока легавым зубы заговорю. – Он бросился к дверям и загундосил: – Ну чаво такое?! Што случилось-то? Пошто, окаянные, двери мне ломаете?

– Открывай, скотина. Не то спалю тебя к псам собачьим!

Тем временем круг чумазых злобных рыл сузился. Первые охотники ринулись ко мне, и я, понимая, что длинная шпага стала бесполезной, пошел в рукопашную. Не обращая внимания на град ударов, звон в голове и время от времени вспыхивавшие перед глазами разноцветные круги, я отчаянно бился за свою жизнь, пуская в ход руки, ноги и зубы. Иногда было больно, но эта боль не шла ни в какое сравнение с возможными последствиями, если мне не удастся отсюда вырваться.

Орудя кулаками направо и налево, я пробивался к выходу, к дверям, которые уже трещали под натиском гвардейцев. Еще немного, еще пара шагов. Там Круглов, там спасение, там жизнь.

На этом рубеже обороны стояли двое вышибал. Я едва не взвыл от досады. На мне и так висло с десятков людей, норовивших сбить с ног. Я сопротивлялся, зверски круша челюсти и ломая кости, используя все грязные приемы из моего арсенала. Но эта парочка! С ними мне было не справиться.

И тут под дружным натиском солдат двери кабака слетели с петель. Внутрь вломились гвардейцы с примкнутыми штыками. Ловко действуя прикладами, солдаты отбросили вышибал.

– Фон Гофен, – шагнул вперед Круглов, размахивая пистолетом.

Толпа отхлынула, оставив меня и полурастерзанного Левицкого. Тяжело кашляя, он поднялся с пола. Из разбитого рта текла кровь.

– Поручик Левицкий, – полуобернувшись к нему, объявил я, – вы арестованы.

Глаза драгуна сузились.

– Ах ты иудушка! – прохрипел он.

Не знаю, в какой момент он успел завладеть пистолетом первого убитого шведа. Очевидно, пока я рубился с другими.

Левицкий был воякой и умел действовать по обстановке. Увидев бесхозное оружие, прибрал на всякий случай. Вот и пригодилось. Бывает.

История повторилась, тот же пистолет был направлен в мою сторону. Я понял, что все, вот моя погибель. Чисто машинально бросился на пол. Левицкий нажал на спусковой крючок, но было уже поздно. Я ушел с линии огня.

Два выстрела прогремели одновременно. Пуля Левицкого пролетела мимо меня в сторону Круглова. Ответный выстрел капитана поразил беглеца наповал, но самому офицеру тоже досталось. Раненный в руку гвардеец пошатнулся. Я кинулся к нему, подставил плечо и потащил прочь. Довел до саней, осторожно уложил на них.

– В госпиталь, быстрее. Гоните что есть сил! – закричал я бородатому кучеру. – Он мне жизнь спас!

По пустым улицам Петербурга мы вихрем домчались до Военного госпиталя. Там я сдал Круглова на руки лекарям, торжественно пообещавшим, что с офицером все будет в порядке. Ранение было легким, однако лицо капитана при этом известии не переменило выражения. Круглов был сильно подавлен.

Не похоже, что боевой офицер мог так сильно расстроиться из-за пустяковой царапины.

– В чем дело, капитан? Что вас так гнетет? – спросил я.

– Ерунда, не обращайтесь внимания, – устало выдохнул он.

– И все же, что стряслось?

– Своих не люблю убивать, фон Гофен. Противно после такого.

Я кивнул. Теперь чувства Круглова стали понятны.

– Брось, капитан. Хоть Левицкий и был русским, вреда отечеству он причинил больше, чем любая иностранная гнида.

Офицер молча отвернулся к стене больничной палаты.

Врачи сказали, что через два дня ему назначат лечение дома.

– Поправляйся, – сказал я.

Он слабо улыбнулся:

– Обязательно.

Мы расстались почти друзьями.

Ушаков, пока я находился в госпитале, уже успел получить полную информацию о стычке:

– Свезло тебе, что Круглов с моим канцеляристом вовремя свеев приметил и на выручку к тебе поспешил.

– Еще как повезло, – согласился я.

– То-то же. Опоздай они на секунду-другую, рвань кабацкая из тебя душу вытряхнула бы. Местечко-то у свеев давно прикормлено было. Не первый год они у мамзели делишки свои обстряпывали, потому и Левицкого там оставили для надежи.

Ушаков взял со стола какие-то бумаги, покрутил в руках и положил обратно.

– Знаешь, кого ты поубивал? – вопросительно уставился он на меня.

– Не могу знать, Андрей Иванович. Некогда было пачпорт спрашивать.

– Секретаря свейского, который вместо Балагуром застреленного фон Нолькена остался, да двух помощников его. Совсем обезглавил миссию свейскую.

– И что теперь? – вздохнул я, прикидывая, чем это для меня обернется. – Шведы вконец обозлятся?

Генерал развел руками:

– После Циклера окаянного да фон Нолькена можно свеев теперь хучь безо всякого разбору убивать. Хуже нам уже не будет.

– Ругать за то, что Левицкого живым не доставил, не станете?

Операция прошла не так, как было задумано, но не я первый и не я последний. Такое случается сплошь и рядом. Ушаков понимал это не хуже меня.

– Было бы за что – так я бы тебя не словами ругал, а на дыбу бы подвешивал. Все ты, майор, сделал правильно. Нет твоей вины в том, что приключилось. Да и нет худа без добра. Свеем тот аспид куда больше нашего был нужен. Свидетелем собирались сделать, в морду нам скандалом натывать. Хотели в Стекольную переправить вместе с посольством, а там мы уже до него не дотянулись бы.

– То есть шведское посольство уезжает? – догадался я.

– Верно. Остерман уж весь извелся, дела улаживая. Но свеи, как конь упрямый, удила закусил. Будто вожжа им под хвост попала, – сокрушенно произнес Ушаков.

– Может, оно и к лучшему. Будет шпионов меньше, – предположил я.

– Как же, меньше, – усмехнулся генерал. – Вместо свейских французские прибывают. Едет к нам из Версаля маркиз де ла Шетарди. Стройный, красивый – девки от него так и млеют, а самое опасное – умный. Вот от кого неприятностей надо ждать полную кубышку. Одно хорошо: своевольным тот маркиз оказался. Вместо того чтобы сюда во весь опор лететь, в Берлин завернул, чтобы над недругами своими вдосталь распотешиться. А я уж намекнул кому надо, чтобы маркиза там чуток подержали под благовидными предложениями. Пуцай как павлин ходит, хвост распускает. Чем дальше он от Петербурга находится, тем мне спокойней, да работы меньше.

– А насчет меня что, Андрей Иванович. Мне чем заниматься?

– Как чем? Я же тебе обговаривал, – возмутился Ушаков. – С завтра роту принимай особого назначения да готовь ее к кампании зимней. Война на носу, а он меня спрашивает, чем заниматься.

– Слушаюсь, – сказал я.

Завтра так завтра. А про роту осназа мне понравилось. Вот оно как получается, из каких глубоких времен некоторые термины всплывают.

Глава 6

Прибывшая утром на полковой двор сводная рота состояла из двухсот человек. Были в ней и солдаты из моего первого капральства. Я с радостью увидел в строю Чижикова и Михайлова. Лишь субординация помешала мне стиснуть их в объятиях. Мы столько пережили вместе! Чего только стоила одна поездка в Польшу и полная приключений одиссея на обратном пути.

Я ходатайствовал о переводе ко мне Карла, но командовавший полком Густав Бирон оставил его при себе в качестве адъютанта. Похоже, кузен повторял ступени моей карьеры.

Была мыслишка переманить к себе еще и Круглова, но, пока капитан не выздоровел, это не имело смысла.

Правда, вместо моего Карла я получил другого, и это уже был сюрприз из сюрпризов. Кроме измайловцев прибыл десяток кирасир из Брауншвейгского полка, и возглавлял их... барон Иероним Карл Фридрих фон Мюнхгаузен.

– Тот самый Мюнхгаузен, – невольно вырвалось из моих уст.

Вид стройного молодого человека лет семнадцати-восемнадцати никак не вязался у меня с известным литературным персонажем. Разумеется, я знал, что барон Мюнхгаузен не чья-то выдумка, а реально существовавший человек, не имевший ничего общего с вымышленным образом, но одно дело – знать, а другое – видеть его перед собой.

Юноша залихватски подкрутил правый ус и недоуменно спросил:

– Что значит «тот самый», господин майор?

Я пробормотал что-то вроде «не обращайтесь внимания», надеясь, что моя заминка быстро забудется и я не буду выглядеть странно.

Вид легендарного во всех смыслах человека смущал меня до жути. На мультиках о нем, на знаменитой песне о том, что «находчивей, находчивей Мюнхгаузена нет», на великолепном фильме с Олегом Янковским я, можно сказать, вырос. И вот – встреча со знаменитым бароном стала для меня культурным шоком. Передо мной стоял бравый красавец с погонами ротмистра на плечах.

Чтобы разговор перетек в деловое русло, я поинтересовался, каким ветром барона сюда занесло. Отряд особого назначения набирался исключительно из пехоты, и планов на тяжелую кавалерию не было ни у меня, ни у Ушакова.

Никого не удивляло, что глава Тайной канцелярии занимался сугубо армейскими вопросами, ибо он был одним из фактических начальников гвардии, и многие вопросы решались через него.

– Я прибыл в Россию совсем недавно. Принц Антон Ульрих пожелал, чтобы ему прислали с родины нового пажа взамен умершего от болезни Пика. Я стал ротмистром кирасирского полка, однако, стоило только принцу узнать, что вы прибыли в Петербург и возглавили новую часть секретного назначения, он добился моего временного перевода к вам вместе с десятью другими доверенными людьми. Мой господин очень вас ценит, барон.

– Мне лестно это слышать, ротмистр. Надеюсь, вы будете служить под моим начальством с тем же усердием, каким служили вашему принцу.

– Не сомневайтесь, господин майор. Я всегда верен присяге.

Погода нам благоприятствовала. Ушаков позаботился о достаточном количестве лыж и палок. Я закинул удочку насчет белых маскхалатов. Сначала генерал-аншеф меня не понял, но после разъяснений с кивнул и пообещал заняться этой проблемой.

– Будут у тебя белые епанчи недельки через две, – уверил Ушаков.

Приоритетными вопросами для моих бойцов стали: хорошая физическая подготовка, умение ходить на лыжах и одновременно стрелять. К сожалению, в прошлой жизни я знал

о тактике подобных отрядов лишь понаслышке, поэтому руководствоваться приходилось исключительно логикой и здравым смыслом.

Самые грамотные проходили дополнительное обучение на ускоренных медицинских курсах. Из этих нижних чинов готовили будущих санинструкторов, которые могли оказать первую медицинскую помощь.

Двумя сотнями солдат при небольшом количестве офицеров и унтеров управлять сложно, за исключением поля боя, когда рота представляет собой единый организм. Но мне была нужна максимально мобильная и оперативная структура, поэтому я ввел еще должности десятников, своеобразных аналогов командиров отделений.

Любая дополнительная ответственность должна поддерживаться материально. Мне удалось выбить «комодам» дополнительные суммы на жалованье и увеличить им порции, которые можно было выбирать как провиантом, так и деньгами.

Мюнхгаузен оказался толковым командиром, не лишенным фантазии и смекалки. Пожалуй, насчет этих полезных на военной службе качеств злопыхатель Распе был прав. Я назначил барона своим заместителем. Ему, чтобы оправдать доверие, приходилось заодно осваивать русский язык.

В армии давно уже установилась традиция обедов у вышестоящего начальства. Густав Бирон регулярно принимал у себя офицеров полка, мы ходили к нему по очереди. Я следовал его примеру.

Формально мы стали отдельной частью. Надо мной больше не было никого, кроме Ушакова и императрицы. Даже фельдмаршалы Миних и Ласси не могли отдавать «особливому отряду» приказы. Такое положение тешило мое самолюбие.

Каждый вечер Акулина накрывала в гостиной стол для господ офицеров. Ее простая и сытная стряпня нравилась всем без исключения. Заодно мои небогатые подчиненные могли слегка сэкономить. Гвардейская жизнь на широкую ногу разоряла многих. Мне такое положение дел совершенно не нравилось. Особый шик, присущий гвардии, я видел в блестящем исполнении воинских экзерциций и отваге на поле боя, а отнюдь не в волочении за юбками, кутежах и выпивании за раз нескольких бутылок дорогого вина.

Не скажу, что все сразу приняли мою точку зрения. У меня даже возник на этой почве конфликт с поручиком Ивашовым, который видел во мне надутого индюка и солдафона, о чем неоднократно говорил у меня за спиной.

Ему не нравилось, что я требую от подчиненных безукоризненного выполнения приказов, слежу за тем, чтобы солдат был сыт, обут и одет, часто заставляю офицеров нести дежурство и придираюсь по мелочам. Вдобавок поручик происходил из богатой семьи, видел в гвардейской службе скучную повинность и предпочитал проводить время на светских балах и званых вечерах, а не в полковом городке. Пренебрежение обязанностями раньше сходило ему с рук. Прежний командир прощал Ивашову все, включая постоянное пьянство и абсолютное наплевательство на нужды нижних чинов.

Я был другим. Памятуя слова моего приятеля из прошлой жизни, бизнесмена Лехи, который говорил, что в его коллективе должен быть только один лидер и этот лидер – он, я не собирался устраивать в отряде казачью вольницу.

Когда Ивашов понял, что за него взялись по-настоящему, то жутко оскорбился, а когда его допекло, он решил вызвать меня на дуэль.

– Отлично, – сказал я. – Дуэль так дуэль.

О таком развитии событий я догадывался заранее и потому подготовился к вызову. Главное, чтобы все и дальше шло по моему сценарию.

– Так вы согласны? – удивился поручик.

Почему-то он решил, что «немец» струсит и пойдет на мировую.

Его ждал сюрприз.

– Разумеется, согласен. У меня есть право выбирать оружие. Я остановлюсь на этом. – Я положил перед Ивашовым две пары боксерских перчаток.

Мне удалось еще в Крымском походе заразить армию этим видом спорта – соревнования по боксу как между офицерами, так и между нижними чинами устраивались теперь на постоянной основе.

– Разве это благородное оружие? – заморгал поручик.

– А вы сомневаетесь? Спросите об этом у Миниха.

Бравый фельдмаршал был настоящим фанатом бокса. Благодаря могучему телосложению, стальным мускулам и железному здоровью, Миних неоднократно выходил из поединков победителем.

Довод был несокрушимым. Поручику пришлось согласиться.

Поединок происходил втайне от остальных офицеров. Мне меньше всего хотелось привлечь к нему внимание.

Мы разделись до нательных рубаш, приняли боевые стойки. Поскольку родоначальники бокса – британские джентльмены – не брезговали ударами ног, я решил, что нам тоже следует не чваниться, а перенять передовые иностранные методики.

Поединок из Ивашова был что надо. Очевидно, поручику приходилось участвовать в боях стенка на стенку и поднабраться там опыта. Одно время мне казалось, что победа клонится в его сторону. Он махал кулачищами как мельница, был ловок и резок в движениях. А потом поручик удивил меня по-настоящему. Я заметил, что он использует приемы, присущие какому-нибудь кунг-фу или тайскому боксу. И вообще, в его движениях вдруг начала проскальзывать система. Теперь это была не просто драка. Я был заинтригован. Уж вряд ли Ивашов был выпускником Шаолиня. Немного погодя стало ясно: уделяй поручик чуть больше времени тренировкам, он бы сделал меня одной левой.

Однако я был настроен на победу. От нее зависело многое. Изловчившись, я все же отправил настырного молодого человека в глубокий нокаут, а когда он пришел в себя и со щенячьим восторгом вылупил на меня глазки, я принялся расспрашивать, кто и когда учил его боевому искусству.

Таким образом, обнаружился пробел в моих знаниях о прошлом великой Руси. Бойцы, владевшие приемами рукопашного боя, существовали не только в преданиях старины глубокой. Ивашова обучал дядька – бывший стрелец.

– Я знаю только полстолька из того, что знал он, – признался поручик.

– А где сейчас твой дядька?

– Пять лет уж прошло, как помер. Царствие ему небесное.

– Жаль, – вздохнул я.

Нам хотя бы парочку таких тренеров, как тот стрелец. Мы бы тогда из солдат настоящих волкодавов воспитали, на зависть всей Европе.

Тренинги с поручиком прекратились. Я стал для него непререкаемым авторитетом – строгим, но справедливым. Разгульная жизнь бывшего раздолбая прекратилась, началась служба.

Мы устраивали ежедневные занятия с солдатами, выбирая пустынные места, где никто не мог наблюдать за нашими действиями. Тем не менее шила в мешке не утаишь.

Иностранные атташе, в том числе и союзных держав, пытались узнать о нас как можно больше. Ко мне никто не подкатывался, понимая, что это может закончиться плачевно.

Однако спустя несколько дней сразу двое нижних чинов поведали о подозрительных личностях, которые обещали хорошо платить за информацию об «особливом отряде». Я посоветовал бойцам смело брать с этих типов деньги и врать им с три короба, что именно – подскажу. Уж что-что, а вешать лапшу на уши я насобачился еще в старые времена. Заодно и доложил куда следует.

Ушаков обещал разобраться своими методами с наиболее любопытными, невзирая на то, какому государству они служат. Сегодняшние друзья завтра вполне могли переметнуться в лагерь врагов.

Тогда я поведал главе Тайной канцелярии крылатое выражение Александра Третьего о том, что у России есть только два союзника – армия и флот (разумеется, без ссылки на первоисточник). Ушакову понравилось.

– Мудр был человек, сие сказавший, – заметил он. – Завтра же утречком при докладе матушке императрице я сей афоризм расскажу.

– Как здоровье ее величества? – помявшись, спросил я.

Мне было известно, что долго Анна Иоанновна не протянет, но в сердце все равно поселилась надежда, что вдруг, благодаря моему вмешательству в историю, многое переменится, включая продолжительность жизни «царицы престопадного зраку».

Ушаков поначалу хотел ожечь меня взглядом, но передумал. Очевидно, не счел необходимым скрывать правду:

– Болеет матушка, тяжко болеет. Молиться нужно, чтобы Господь смиростивился над ней и над нами.

Пожалуй, тут мне ничего исправить не удалось. Осталось обратить взор в сторону Брауншвейгского семейства.

Дела Антона Ульриха уверенно шли в гору. Скоро должны были сыграть его свадьбу с принцессой Анной, и я находился в списке приглашенных гостей. Лишь война могла сорвать эти планы, но в том-то и дело, что она была неизбежна.

В воздухе пахло грозой. Тучи сгущались над Россией. Это было ясно любому, более-менее знакомому с обстановкой. И уж кому, как не людям в мундирах, чувствовать дыхание скорой войны.

В резерве оставалось мало времени. Ситуация в Швеции накалилась до предела. Редкие донесения, поступавшие из Стокгольма окольными путями, говорили об одном: война на носу.

Разъяренная толпа бесчинствовала под окнами российского посольства, барды складывали баллады о «геройски» погибшем майоре Синклере, в центре столицы собирались поставить ему памятник. Шведские генералы инспектировали приграничные районы, шла переброска войск, был увеличен рекрутский набор. Тревожные признаки неизбежного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.